

СЕРГЕЙ

ЛУКЬЯНЕНКО

ЗАСТАВА

ПОГРАНИЧЬЕ

Пограничье

Сергей Лукьяненко

Застава

«АСТ»

2013

Лукьяненко С. В.

Застава / С. В. Лукьяненко — «АСТ», 2013 — (Пограничье)

Центрум. Центральный мир вселенной, окруженный лепестками других миров, среди которых и наша Земля. Когда-то Центрум был велик и силен, но катастрофа отбросила его в прошлое. Здесь, на перекрестке тысяч и тысяч цивилизаций, несет свою вахту Корпус пограничной стражи, охраняющий границы между мирами... Выбор у землянина, случайно оказавшегося в Центруме, невелик: стать контрабандистом или пограничником. А отличия между этими профессиями порой тоже невелики... Но рано или поздно приходится решать – что такое для тебя пограничная служба. Потому что Земле грозит беда, когда-то пришедшая в Центрум...

© Лукьяненко С. В., 2013

© АСТ, 2013

Содержание

Пролог	6
Глава 1	11
Глава 2	17
Глава 3	23
Глава 4	31
Глава 5	38
Глава 6	46
Конец ознакомительного фрагмента.	49

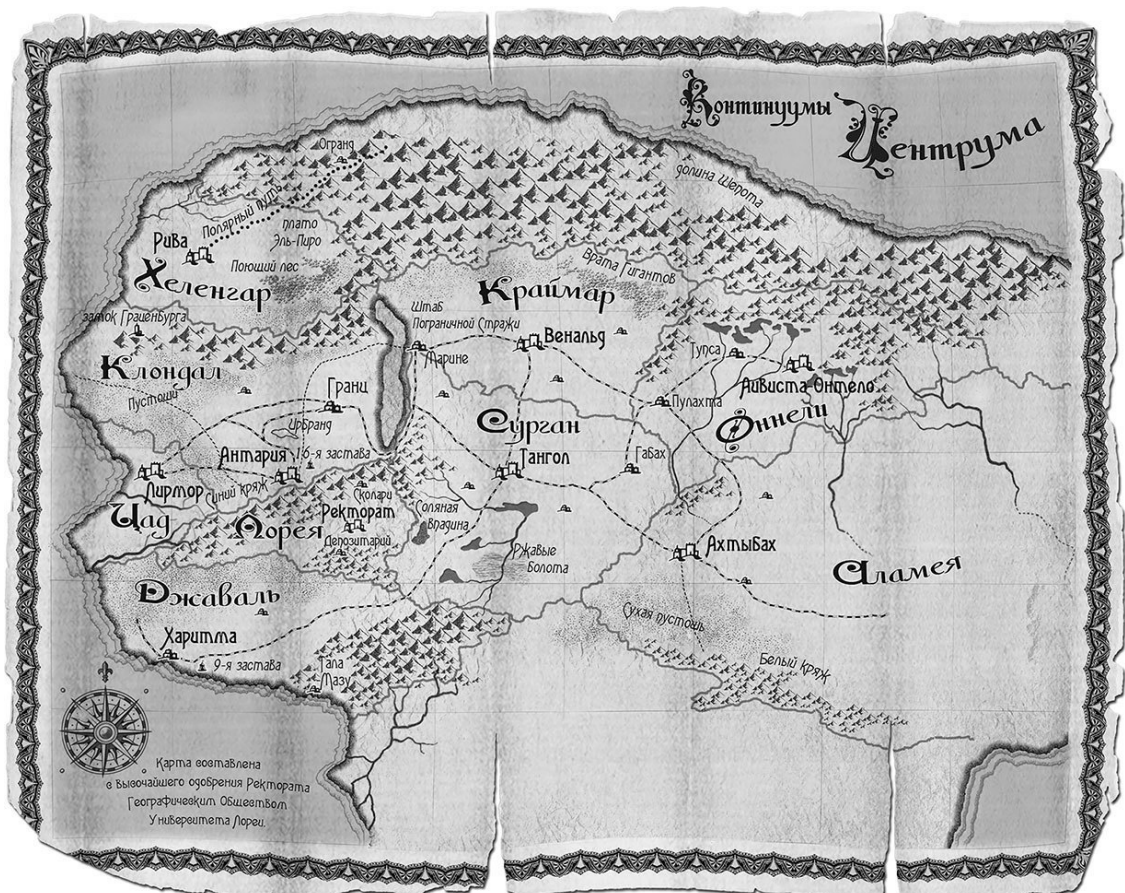
Сергей Лукьяненко

Застава

© С.В. Лукьяненко, 2013

© ООО «Издательство АСТ», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Пролог

К ночи потеплело.

Я давно уже понял, что погода в Центруме капризна и подчиняется каким-то своим законам. Посреди зимы и трескучих морозов могло выдаться два-три по-летнему теплых дня, а летом – выпасть снег и завывать выюга. Но то, что к вечеру я перестал трястись от холода, к местным климатическим причудам отношения не имело.

Просто кончился пронизывающий ветер и перестал моросить мелкий заунывный дождик. Если бы у меня был градусник, то, скорее всего, я бы убедился, что температура изменилась только субъективно. Но и это радовало.

В горах темнеет позже, чем на равнине, но зато и стремительнее. Я до последнего надеялся закончить все сегодня, но, когда на небе начали загораться первые яркие звезды, понял, что пора готовиться к ночлегу.

Вечер застал меня почти у гребня перевала, еще бы полчаса – и я перевалил бы через Синий Кряж, формально отделявший Клондал от Лореи. К счастью, именно формально – до тех мест, где можно было наткнуться на лорейских инспекторов, было еще добрых полсотни километров.

Пологий склон – не самое удобное место для ночлега в горах, хоть и не такое опасное, как ущелье. Но ветра не было, дождь перестал, каменистая почва была умеренно влажной. Я снял с плеча автомат и положил на большой плоский камень, скинул рюкзак, достал из него кусок брезента, расстелил на более-менее ровном участке. Сверху положил кошму – плотный коврик из шерсти. Не лучшая замена туристической «пенки», но приходится пользоваться тем, что может дать Центрум. Расстелил спальный мешок, достал пакет с остатками дневного рациона и, сидя на кошме, доел твердое копченое мясо и сухари. На маленькой спиртовке вскипятил кружку кофе.

Как ни странно, но мне было даже уютно. Видимо, организм радовался тому, что кончились дождь и ветер.

Облака сползли вниз, к подножию гор, но в разрывах туч я видел слабые отсветы над Гранцем – центром металлургии Клондала. Потом они угасли – то ли напозлзи тучи, то ли на заводах пригасили газовые факелы. Я попивал кофе, грыз твердый как камень кусковой шоколад и смотрел на звезды, чистые и яркие.

Люблю звездное небо в Центруме.

Спать хотелось все больше. Я стянул наколенники, подложил их в изголовье спального мешка. Можно было, конечно, лечь. Но я хотел дождаться того, кто следил за мной уже с полчаса.

За спиной послышался шорох. Я осторожно приподнял правую руку. Шорох стих.

– Мир, – сказал я. – Ночлег. Еда.

Несколько секунд мой преследователь колебался. Потом тихий, нечеловеческий голос прошептал:

– Мир. Ночлег. Еда. Друг.

– Не-враг, – уточнил я. Не стоит брать на себя лишних обязательств.

– Не враг, – покорно повторил мартыш.

Вот тогда я обернулся, уже не стараясь двигаться нарочито медленно. Глаза почти привыкли к темноте, а звезды давали достаточно света, чтобы рассмотреть гостя.

Мартыш был крупным – почти с метр ростом. Он и впрямь напоминал земную мартышку, только передвигался обычно на двух ногах, был больше и тяжелее. Ну и еще, конечно, умел разговаривать.

– Шоколад, – сказал я. – Сухари. Яблоко.

Мясо мартыши не ели. Вроде бы они лопали насекомых, хотя как они их находили в горах – ума не приложу.

– Яблоко, – сказал мартыш, осторожно приближаясь. Хвост у него был поджат и подрагивал между ног. Он боялся. Не то чтобы на них кто-то часто нападал, все-таки уродов, охотящихся на говорящих существ, немного даже среди людей. Даже среди земных людей. Но всякое бывает.

Я протянул мартышу яблоко. Маленькая лапка, похожая на руку ребенка, опасливо протянулась и схватила подарок.

– Человек, – сказал я. – Другой... черт, это ты не поймешь... Человек. Не-я. Перевал.

Мартыш замер, держа яблоко у рта. Он напряженно думал. Если тот, за кем я гонюсь, успел с ним «подружиться», то мартыш ничего не скажет. Но вряд ли маленькое беззащитное существо рискнуло приблизиться к кому-то при свете дня.

– Человек, – согласился мартыш. – Перевал. Вечер.

Какой умник! Он даже понял, что меня интересует. Похоже, я отстаю совсем чуть-чуть.

– Молодец, – сказал я.

В общении с мартышами – одна трудность. Они произносят (и, похоже, понимают) только существительные. Глаголы, даже простейшие – «есть», «пить», «идти» – пролетают мимо их сознания. «Глагол. Загадка. Тайна» – выражаясь их языком. Некоторые вроде бы способны освоить прилагательные и числительные. Но глагол для этих маленьких забавных приматов – тайна за семью печатями.

– Еда. Сон. Утро, – сказал я. Встал, стянул «сидушку», положил рядом со спальным мешком.

Вы думаете, в горах самые нужные вещи – альпеншток, черные очки, горные ботинки? Ну, если вы штурмуете Эверест по снежным полям – то да, наверное. А вот если гонитесь за человеком на высоте две-три тысячи метров, вам надо быстро идти и, временами, стрелять – то куда важнее будет «сидушка» на попе, наколенники и удобные горные кроссовки. Честное слово! Споткнетесь и приложите коленом о камень – поймете это раз и навсегда.

– Вода, – робко сказал мартыш.

Я вздохнул. Воды у меня было мало, а вода в горах – дефицит еще тот.

– Вода, – согласился я, доставая из рюкзака литровую флягу. Взболтнул, оценивая остаток. Открыл, сделал глоток, протянул мартышу. Тот пил деликатно, не касаясь горлышка своими здоровенными обезьяньими губами, а запрокинув флягу надо ртом. Так пьют воду жители жарких и грязных стран... ну и, как выяснилось, воспитанные обезьянки.

Если бы я пошел в горы дома, я не брал бы дурацкую металлическую флягу. Обошелся бы легкими пластиковыми бутылками. Выпил, выбросил... ну, или прибрал обратно в рюкзак, если жалко природу. Веса – грамм, не бьется, не гремит... Многие вещи в повседневной жизни просто не замечаешь, пользуешься ими как данностью.

– Вода, – сказал мартыш, возвращая флягу. На дне ее еще чуть-чуть булькало, я закрутил пробку и спрятал флягу в рюкзак.

– Сон, – сказал мартыш.

– Сон, – ответил я.

Вот и поговорили. Но что тут поделать, так уж у них мозги устроены...

Заснул я спокойно и крепко. Мартыш – лучший сторож, спит он очень чутко, слух и ночное зрение у него превосходные. Если появится опасность, он, конечно, даст деру. Но меня разбудит – визгом или толчком. Это у них в генах.

А вы думали, я с говорящей обезьянкой поделился едой и водой из альтруизма? Из благодарности за информацию. Ради спокойного сна.

Ну ладно... из альтруизма тоже.

Мартыш повозился на камнях рядом со мной, потом привалился к спальному мешку. Шерсть у них замечательная, они могут спать на голых влажных камнях. Но если рядом есть тепло – то кто же им не воспользуется?

* * *

Утром, как я и ожидал, рядом никого не оказалось. Мартыш ушел тихо и незаметно, еще до рассвета. Там, где он спал, был аккуратно выложен маленькими камешками спиральный узор. В центре узора лежал мутно-зеленый отполированный камешек. Я поднял его и повертел в руках. Не изумруд, конечно. Хризопраз. Это не я такой умный, это общеизвестный факт – «узор благодарности» мартыши завершают хризопразом. Камень недорогой, но красивый, а этот еще и был хорошо отполирован.

Я спрятал камешек в карман. Мартыши носят их в защечном мешке, но они очень чисто-плотные... существа.

Погода продолжала радовать. К утру, конечно, стало совсем уж холодно, градусов пять, не больше. Но небо было чистым, восток нежно розовел, ветра не было. Быстро собравшись, я пошел по склону вверх, к седловине. Честно говоря, мне изрядно надоела эта погоня.

И еще не перейдя перевал, я понял, что погоня закончилась. На меня потянуло запахом табака.

Я повел плечом, сбрасывая автомат с плеча в руки, потом скинул рюкзак – вернусь за ним позже. Пригнулся и быстрым шагом преодолел метров двадцать – после чего резко выпрямился.

Нарушитель был метрах в двадцати от меня. Сразу за седловиной склон круто уходил вниз, там он и устроил лагерь, когда его застала темнота. Поставил маленькую палатку возле вросшего в землю валуна, на спиртовке – такой же, как у меня, – кипятил то ли чай, то ли кофе. Ну а сам в этот момент щедро орошал валун, свободной рукой держа у рта сигарету.

Ситуация – просто лучше не придумаешь.

Я взял автомат наизготовку и пошел к нему. Секунд через десять нарушитель меня услышал и резко повернулся.

– Freeze! – крикнул я. – Стоять! Alto! Halt!

В общем-то я не сомневался, что он русский. Мне подсказывали это врожденная наблюдательность, жизненный опыт, природное чутье и торговая марка «Экспедиция» на палатке.

Ситуацию нарушитель оценил вмиг.

– Братан! – завопил он, поспешно застегивая штаны. Сигарета выпала у него изо рта. – Люди! Ура! Радость-то какая!

Я подошел ближе и остановился в нескольких шагах. Повел стволом автомата и сухо велел:

– Покажи запястье правой руки.

По его поведению уже все было понятно, но вдруг...

Нарушитель скривился. Это был мужчина, молодой, лет двадцати пяти, самой заурядной внешности, с грубоватым лицом, чуть искаженным плохо спрятанной мыслью «я тут самый хитрый, любого объегорю!» К моему сожалению и одновременно огорчению – лицо было незнакомым. Ни в одной картотеке такой физиономии я не встречал – ни на четких черно-белых снимках, ни на рисунках, сделанных художниками по описаниям...

– Зачем? – спросил мужчина. – Что ты в меня стволом-то тычешь? Где я? Ты кто?

Я усмехнулся. Когда это в первый раз – то не так все происходит, совсем не так...

– Я хочу проверить, нет ли на тебе татуировки, – любезно сообщил я. – Стволом в тебя я тычу, чтобы ты не наделал глупостей. Ты на перевале между Клондалом и Лореей. Я – пору-

чик Пограничного корпуса территории Клондал. Звать меня ты можешь Иван. Просто по той причине, что это не мое имя.

Нарушитель скривился и показал запястье. Татуировки на нем не было. Ожогов, грима, каких-то признаков того, что татуировку пытались свести, не было тоже. На это у меня взгляд наметан.

– Какой раз в Центруме? – спросил я.

– Где-где? – мужчина скривился. – Я в поход шел и заблудился. Что такое Центрум?

Он ломал комедию. Я это понимал. Он понимал, что я понимаю. В общем – все было как всегда.

– Хорошо, – сказал я. – Согласно уставу Пограничного корпуса я должен объяснить тебе ситуацию и предоставить выбор. Ситуация проста – ты, вольно или невольно, открыл врата с мира Земля в мир Центрум. Это не является преступлением, но является проступком. Поскольку я вынужден исходить из того, что ты жертва случайности, – наказания не последует.

– Какие врата... – пробормотал мужчина мрачно.

– Не знаю. Большие, маленькие... У тебя есть ровно три выбора. Выбор первый – ты идешь со мной на заставу, получаешь регистрацию, подписываешь таможенные правила и в дальнейшем их соблюдаешь. Выбор второй – я делаю тебе татуировку о том, что ты имел первичное задержание, после чего ты отправляешься домой и больше никогда сюда не возвращаешься. Выбор третий – ты идешь со мной на заставу, заполняешь анкету, мы посылаем ее в Штаб Корпуса и после одобрения ты получаешь шанс стать пограничником. Понятно?

– Я на флоте служил, – сообщил мужчина. И продемонстрировал мне левую руку, на которой синела звездочка, вытатуированная между большим и указательным пальцами. – Землю топтать не привык.

– То-то шел так медленно, – усмехнулся я. – Ну, что выбираешь?

– А ничего, – усмехнулся морячок. – Что, зёма, договориться с тобой никак не получится?

– Хочешь предложить взятку? – уточнил я.

– Нет, – вздохнул мужчина. – Вижу, что только усугублю... Ну, бывай, застава...

Он свел руки над головой, сцепил пальцы, как-то хитро вывернул кисти... и, кажется, что-то прошептал.

Такого быстрого и красивого открытия врат я еще никогда не видел!

А самое обидное было то, что врата открылись аккурат между нами – витающий в воздухе двухметровый круг, маслянисто-блестящий, радужный, будто диковинно расплюснутый мыльный пузырь...

Стрелять сквозь врата было бесполезно. С этой, внешней стороны пуля, скорее всего, от ricoшетит или расплывется в лепешку – такое вот свойство у врат...

Через миг врата исчезли, а вместе с ними и «морячок».

– Вот зараза, – сказал я. Но если честно, то с облегчением. Выбери он визит в Корпус – и мне пришлось бы двое суток конвоировать его до ближайшей заставы, каждую секунду опасаясь удара в спину.

А убивать, тем более земляков, я не люблю.

Без уважительной причины, разумеется.

Вначале я вернулся за своим рюкзаком. Потом выпил кофе, который готовил «морячок», собрал палатку, привязал к рюкзаку. У него, как у всякого контрабандиста, рюкзак был увесистый, на самой грани разумного. Конечно же, я заглянул в него.

Батарейки. Полный рюкзак батареек! Всех размеров и форматов. В основном «пальчиковые», но были и «мизинчиковые», и большие цилиндрические для фонариков, квадратные, миниатюрные «таблетки»... Ну да, в Лорее этот товар весьма востребован. А моральные нормы у местных ученых мужей весьма гибкие, контрабанду они не любят только в том случае, если контрабандист идет не к ним, а к конкурентам...

Конечно, мне такая уйма батареек была не нужна. Но не бросать же все! Я прикинул вес – вроде как смогу пронести. Врата у меня получалось открывать очень средненькие, даже можно сказать – посредственные. Но как-нибудь пройду.

Жалко только, что я не могу сделать это так легко и незатейливо...

Вздыхнув, я огляделся, убедился, что врагов поблизости нет, и принялся раздеваться. Догола.

Глава 1

Если твоя работа связана с частыми отлучками на неопределенное время, то коша или собаку ты не заведешь. Даже с черепахой будут проблемы, впрочем, я не люблю черепах. Остаются только рыбки.

Я постоял секунду в полумраке своей квартиры, глядя, как мигает на стене лампочка сигнализации. Бросил на пол свой рюкзак, рюкзак с трофеями, тюк с одеждой, автомат, свернутую палатку. Помахал руками, восстанавливая кровообращение, и пошел к пульту охраны. Быстро набрал на клавиатуре код. Надпись «тревога» на маленьком дисплее исчезла.

Все, я дома.

В квартире было жарко и душно. Неудивительно – я не был дома три дня, все это время она простояла запертой. Первым делом я спрятал оружие в потайной ящик, затем включил кондиционер, а потом пошел глянуть на аквариум. Все было в порядке – свет горел, автоматическая кормушка помаргивала зеленым огоньком, рыбки преспокойно плавали, креветки-фильтраторы сидели возле фильтра, растопырив сетчатые лапки. Самые флегматичные существа на свете, по сравнению с ними даже ленивцы непозволительно суетливы. Сидят себе на потоке воды, ловят то, что несет течение, забрасывают в рот... Хорошо тем, кто так устроился – сидеть на течении и ждать, что тебе принесет.

Убедившись, что дома все в порядке, я пошел в душ. Благо и раздеваться не надо. Постоял под водой теплой, окатился водой холодной, потом пустил горячую... Намылится душ-гелем с запахом кофе, а потом вымыл голову мятным шампунем. Водичка с меня стекала не то чтобы черная, но ощутимо серая, грязи было столько, что гель не сразу начал мылиться.

После душа я побросал свои вещи в стиралку, включил ее и отправился на кухню. Все три дня в Центруме я тосковал по самой обыкновенной яичнице с помидорами. С этим добром в Центруме проблем нет. Но так уж получилось, что я сразу по прибытии рванул за контрабандистом и гнался за ним трое суток, а яйца и помидоры – не тот продукт, который потащишь с собой в рюкзак. Убегал «морячок» бодро, про «медленно шел» я ему соврал исключительно в воспитательных целях.

Пока тушились помидоры и репчатый лук, я проводил ревизию холодильника, мимоходом включив автоответчик телефона и краем уха прислушиваясь, что он бормочет. Важных звонков не было. Звонили два приятеля и одна подруга. Все – с привычным в последние годы вопросом: «Тебя опять в командировку угнали?» Звонил робот с телефонной станции, угрожал отключить связь за просроченный двадцатирублевый счет. Может, отключить стационарный телефон? Кому он нужен в эру мобильных? Звонили и бросили трубку несколько чудаков, из числа тех, кто ненавидит разговаривать с автоответчиками... На мобильном было несколько пропущенных звонков от мамы и парочка незнакомых номеров, на которые я вообще перезванивать не собирался.

Я нарезал подсохший и окаменевший в холодильнике хлеб, распарил его в микроволновке и принялся разбивать над сковородой яйца. Автоответчик продолжал бормотать чужими далекими голосами.

– Иван...

А вот этот голос был мне знаком! Я замер с последним неразбитым яйцом в руках.

– Меня зовут Александр... мне кажется, мы с вами знакомы... – человек замялся. – Виделись в... в Центруме. Если ошибся – простите великодушно. Если нет... позвоните мне... когда вернетесь... Есть важный разговор. Мой номер...

Вот те на!

Я машинально разбил над сковородой последнее яйцо, выругался, когда понял, что уронил скорлупу, вытащил ее, накрыл сковороду крышкой. Ну надо же...

Александр был свой человек. Коллега. Пограничник. Начальник.

Более того – он был с нашей заставы и из нашего наряда, один из семи людей, живущих на Земле, а работающих вместе в Центруме.

И самое главное – это он три года назад наткнулся на меня, совершенно обалдевшего от попадания в другой мир. Успокоил, объяснил происходящее, отвел на заставу, уговорил стать пограничником, взял в свою команду.

Не доверять ему у меня не было никаких причин.

И разыскать меня он, в общем-то, мог без особых проблем – он знал мое настоящее имя, возраст, день рождения и даже какой институт я закончил. Я тоже мог его найти. Совершенно случайно я знал его фамилию – Бобриков. Достаточно редкая фамилия, чтобы поиск в интернете занял минут пять.

Но это было не принято. В Центруме одна жизнь. На Земле – другая. Не смешивать и не взбалтывать.

Бросив на стол пробковую подставку, я водрузил на нее сковородку, взял вилку и принялся за еду. По времени Центрума это был завтрак, по времени Земли – обед.

Зачем же он мне звонил?

Первая мысль у меня была – «не перезванивать». Нет, не уходить «в несознанку», а при встрече в Центруме посмотреть укоризненно, так, чтобы сам все понял.

А потом я бросил вилку и, даже не убрав сковородку с остатками яичницы, бросился одеваться.

...Бобриков наткнулся на меня часа через два после того, как я впервые открыл портал в Центрум. Я уже успел пройти все положенные новичку стадии – озирался, орал, бегал кругами, щипал себя до синяков (хотя и никогда не думал, что реальный человек может таким способом проверять, не спит ли он), впадал в отчаянье и истерически хохотал. Выбросило меня посреди холмистой степи, на горизонте виднелись невысокие горы, а в километре – небольшая рощица. И все это было наполнено таким пьянящим запахом трав, такой неслыханной чистоты воздухом, что голова кружилась без привычных городских миазмов.

Встретились мы совершенно случайно, хотя Бобриков и пытался потом рассказывать: «было у меня предчувствие» и «чего-то вдруг потянуло пройти через рощицу...» На самом деле он делал обычный обход железки – от стрелки, ведущей к заброшенному руднику в предгорьях Саарнского хребта, и до шестнадцатого пограничного секрета. Места эти были спокойные, зато близко к одной из слабых точек, не проходило и года, чтобы здесь кто-нибудь случайно не выскакивал.

Бобриков увидел следы моих босых ног на глинистом берегу маленького родника (я там пил, дойдя до рощи) и, как он потом рассказывал, сперва решил, что в Центрум попал дикарь. Либо каким-то чудом вынесло из Африки-Азии-Латинской Америки, либо (что в Клондале случалось еще реже) из какого-то примитивного мира. Впрочем, когда Бобриков нашел меня, я уже успел соорудить себе нечто вроде набедренной повязки и обуви. Да, в Центрум я попал голым, но в руках-то у меня было большое банное полотенце. Двумя кусками я обмотал ноги, остатки пустил на символическую набедренную повязку. Когда пограничник меня увидел, я как раз был занят изготовлением дубины – острым камнем обтесывал сучья на здоровенной ветке. И выглядел таким спокойным, что, пока не долбанул камнем по руке и не высказал мирозданию все, что по этому поводу думаю, Бобриков продолжал размышлять, дикарь я или нет.

– Бог в помощь! – окликнули меня со спины.

Я подскочил, перехватил дубину поудобнее... и растерянно уставился на старика.

Бобрикову (имя, конечно, я узнал много позже) тогда было под семьдесят. Сейчас – уже «за». Выглядел он, впрочем, вполне бодро – крепкий, пусть и немолодой дядька, не седой и не

лысеющий (потом я узнал, что шевелюра – предмет его особой гордости), в старом брезентовом плаще, с ружьишкой за спиной... Старичок-егерь. Или старичок-охотник. В любом случае я готов был его расцеловать – мир вокруг меня, только что казавшийся безлюдной бесконечной степью, внезапно ожил.

Но Бобриков мой порыв уловил и легким движением сбросил с плеча двустволку. Я замер. Старичок-егерь оказался маньяком-убийцей?

– Руки покажи, земляк, – вполне миролюбиво сказал старик. – Дубину народной войны брось, не нужна она тебе. А руки покажи.

Я бросил недоделанную дубину и поднял руки.

– Правое запястье, – уточнил старик.

– Смотри, разве я мешаю? – разозлился я.

Бобриков, стоя метрах в пяти от меня, пристально изучал мою руку. Потом кивнул и забросил ружье на спину.

– Не сердчай, земляк. Места здесь такие... осторожность нужна. Первый раз в Центруме?

– А что это такое? – переспросил я.

– Ну, мир такой, – усмехаясь, ответил старик. – Ты ж вроде молодой, фантастику должен читать...

– Никому я ничего не должен, – пробормотал я, опуская руки. – Может, я неграмотный... Дед, ты хочешь сказать, что это параллельный мир?

– Нет, не параллельный. Центральный, – разъяснил старик. – Параллельные миры – они параллельно один другому, верно? А центральный – он как сердцевина у ромашки. Остальные миры – лепесточками вокруг. Дошло?

– Не верю, – упрямо сказал я.

– А когда в портал сигал – куда ожидал попасть? – усмехнулся дед.

– Какой портал? – заорал я. – Я мылся. В душе. Потом вылез, вытираться стал... и оказался здесь.

Бобриков нахмурился.

– Так не бывает, мил-человек. Портал должен быть. Ты его открыл – случайно. И шагнул в него.

Я снова попытался вспомнить, что же произошло за мгновение до того, как я перенесся из ванной комнаты.

– Я вытирался, – упрямо повторил я. – Потом... потом назад шагнул...

– А, – усмехнулся Бобриков. – Понятно. Зеркальный портал, он же тыловые ворота... ну если совсем уж по-народному – заднепроходное отверстие. Редкая штука, смешная... но случается.

– Слушай, дед, у меня голова кругом идет, – взмолился я. – Ты или стреляй, или объясни по-человечески!

Вместо ответа Бобриков скинул рюкзак, порылся там, достал чистые, но явно ношенные семейные трусы и протянул мне.

– Держи, лишенец. Стираное, не волнуйся.

Мне было не до брезгливости. Я натянул дедовские трусы (чуть маловаты, но, к счастью, Бобриков был крепкий старик), потом принял из его рук металлическую флягу. Глотнул. Как я и подозревал, это оказалась не вода. Совсем не вода!

– Что за... – просипел я, возвращая фляжку.

– Напиток местный. Зря кривишься, не хуже вискаря. Сейчас костерчик разведем, побеседуем...

На костер пошла недоделанная дубина и набранный в роще валежник. Уже потом я узнал, что рощи и леса в Клондале редки, можно сказать – наперечет, и прятаться в зарослях – не лучшая идея. А тогда сидел, разинув рот, и слушал неторопливый рассказ Бобрикова.

– Я – пограничник. Что это такое – объяснять можно долго, а можно и вообще не объяснять, и так все понятно. Мы охраняем проходы между разными мирами. Ловим контрабандистов и случайных нарушителей, вроде тебя.

– И таких много?

– Изрядно. Или ты думаешь, что открыть портал – уникальная способность?

Я пожал плечами.

– Портал, или врата – как тебе больше нравится, штука нехитрая. Их может открыть любой. Это, очевидно, некое неотъемлемое свойство всякого разумного существа. А ведут порталы только в Центрум... – он, видимо, подметил выражение моего лица и смилостивился: – Ну и обратно. Так что миров-то много, но попасть из любого ты можешь только в один. Центральный. Мы его так и зовем – Центрум.

– Но почему про это не знают все? – поразился я. – Если уж любой может открыть портал...

– Ну... есть детали, – признал старик. – У многих людей порталы существуют доли секунды. Или настолько малы, что человек в них пройти не может. Или же условия их возникновения столь вычурны, что никогда в жизни человеческой не случаются. Вот тебе, к примеру, надо раздеться догола, начать вытираться полотенцем... – старик задумался, – нет, полотенце тут ни при чем. Скорее, тебе надо делать движения руками, словно вытираешься. И наверняка что-то еще. Вот этим, мил-человек, ты и будешь ближайшие дни заниматься – вспоминать, что делал, когда открыл проход в Центрум, и пытаться это повторить. Потому что иначе... – он пожал плечами.

– Я останусь тут навсегда? – тихо спросил я.

– Да нет, не останешься, если не захочешь, – поморщился Бобриков. – Отведу я тебя домой. В смысле – на Землю. У меня портал три секунды держится, успеем вдвоем проскочить. Но остаток жизни ты будешь вспоминать про иной мир, где побывал, тосковать, пить горькую и раскаиваться, что решил вернуться. Спорим?

Спорить я не стал.

– Ну или оставайся здесь, – продолжал Бобриков. – Работу найдем. Хоть у нас, в пограничниках, хоть у местных. Тут нормальное отношение к землянам.

– Тут что, своя жизнь есть? – почему-то поразился я. – Люди?

– Люди, – кивнул старик. – Вполне приятные для общения.

– И по-русски говорят, конечно, – съязвил я.

– Никоим образом.

Фантастики я читал не слишком много. Но кое-что вспомнилось.

– Тогда, наверное, я чудесным образом изучил их язык, пройдя через ворота?

– Через врата, они же порталы, – поправил старик. – Нет, не угадал. Язык у них свой, корни на слух немного похожи на латинские, но в принципе – ничего общего с земными языками.

– Тогда мне тут ничего не светит, – сказал я. – Туп я к языкам, даже английский толком не выучил.

– Это ты раньше был туп, – ответил старик. – Первые проходы через врата действуют на человека как мощный стимулятор. Двое-трое суток ты можешь впитывать знания как губка. Если постараться – через три дня спокойно заговоришь на клондальском. Кстати, когда вернешься на Землю – рекомендую подучить английский... и вообще все, что тебе хотелось выучить, но никак не давалось. Только с умом распорядись этими днями. При каждом новом прохождении эффект слабеет и к пятому-шестому разу сойдет на нет. Так что сам выбирай, что тебе больше в жизни пригодится – кун-фу или умение складывать оригами. Ты кто по профессии-то будешь?

Я помедлил секунду. Бывали ситуации, чаще при общении с женским полом, когда моя профессия «звучала» хорошо. Но тут явно был иной случай...

– Я музыкант.

– Музыкант? – старик посмотрел на меня с состраданием. – Этого добра тут и своего хватает. Будь ты военный, инженер, врач – мог бы хорошо обустроиться в Центруме. А что за музыкант-то? На скрипке играешь или на фоно?

«Фоно» меня покорило. Было в этом свойском наименовании инструмента что-то насмешливое.

– Такое ощущение, будто других инструментов никто не знает, – буркнул я. Но Бобриков ждал, и я ответил: – Могу и на фортепьяно, дело нехитрое...

Барабанщик я.

– Ударник? – уточнил старик.

– Мы себя ударниками не называем, – объяснил я. – Барабанщик.

Старик покачал головой.

– Нет, не годится. Вы у себя в ансамблях как хотите называйтесь, а тут тебя будут ударником звать. Звучит красивее. В рок-группе стучишь?

– Дятел стучит, – я начал злиться.

– Извини, – кивнул старик. – В рок-группе играешь?

– Ну... по-всякому, – уклонился я от ответа. – Вообще-то я литаврист, по образованию. Но могу и на цимбалах, и на барабанах... В группе, конечно, больше на драмзе...

Но мой собеседник уже не слушал. Он ржал, тихонько, по-стариковски, всплескивая руками и подхихикивая, когда воздуха не хватало для полноценного гогота.

– Литаврист и цимбалист! Я тебя увидел когда, решил, ты опытный специалист по выживанию... такую дубину сооружал! А ты... ты барабанную палочку ладил, да?

Я молчал, глядя в костер. Очень хотелось треснуть весельчака по ушам. Без всякой палочки. Так... будто тарелками... Но, во-первых, он был человек пожилой, во-вторых – вроде как спас меня и объясняет что к чему... А в-третьих, у него было ружье. Это, пожалуй, самый убедительный довод против.

– Ты извини, – сказал Бобриков, просмеявшись. – Просто вспомнилось... кто это такой – человек, тусующийся с музыкантами? Ответ – ударник!

– Спасибо, очень смешно, – сказал я. – С месяц этого не слышал.

Бобриков посерьезнел.

– Ладно... не бери в голову. Прости дурака... Тебя как зовут-то?

– Иван.

Он опять рассмеялся.

– Ну надо же... Запомни две вещи. Во-первых, мы не называем своих имен. Никому. Даже друзьям. Понимаешь, почему?

– Чтобы нас не нашли на Земле? – предположил я.

– Верно. Так что между собой пользуемся прозвищами. У меня вот очень оригинальное – Старик. А для других мы – Иваны. Русские мужчины все Иваны, женщины – Маши. Американцы обычно Джоны, хотя встречаются оригиналы... Американки – Мэри. Ну и так далее. Рекомендую так и называться.

– Ничего, что меня так и зовут?

– Повезло, считай, – кивнул Старик. – Привыкать не надо. Ну так что решил, ударник? Могу тебя отправить домой. На запястье только придется татуировку поставить... черную окружность. Не бойся, почти не больно! Это будет означать, что ты случайно побывал в Центруме, тебя вернули домой и ты обещаешь больше сюда не соваться... а если уж и сунешься – то сразу пойдешь сдаваться пограничникам. Если бы я поймал тебя на контрабанде, но ты не сопротивлялся, то на первый раз поставил бы другую татуировку – заштрихованный чер-

ный круг. Это означает, что в Центруме ты отныне вне закона и тебя могут убить без суда и следствия.

– А у тебя какой кружок? – спросил я.

Бобриков поднял руку. На коже был черный круг с крестиком внутри.

– Пограничник. Как видишь, случайно побывавший в Центруме может получить значок пограничника. А вот нарушитель – уже никак. Свести эту татуировку невозможно.

– Но тот, кого вы отпустили с пустым кружком, может сам наколоть внутри крест, – заметил я.

– Верно. Но не советую. Эмблема пограничных войск – только первая ступень опознания. Есть еще жесты, – он усмехнулся, – целый язык жестовый, полезная штука в секрете... Есть пароли. Много чего есть, Иван. Ну, так что ты решаешь? Отправить тебя домой?

Я представил себе ресторан, в котором вечером буду сидеть за ударной установкой и стучать по барабанам, пока Гоша поет по заказу пьяных посетителей какой-нибудь чужой хит... И усмехнулся. Нет, не буду я вечером там сидеть. Рок-группа «Угол падения» может искать другого барабанщика.

– Веди меня на свою заставу, дед. С детства мечтал быть пограничником.

– Старик, – поправил меня Бобриков. – Дед – это совсем другой человек... ты его увидишь. А я – Старик.

– И много тут... наших? – поинтересовался я.

– Пограничная стража на девяносто процентов состоит из жителей других миров, в большинстве – землян, – сообщил Бобриков. – В разные местности Центрума чаще попадают жители из того или иного мира. Здесь, в Клондале, большинство – европейцы и русские. Но люди обычно тусуются со своими. Есть застава австрийская, есть французская, есть польская...

На заставу мы пришли к вечеру – хоть Старик и одолжил мне запасные шерстяные носки, но это была плохая замена обуви. И к этому моменту я уже кое-что понимал о мире, где оказался...

Глава 2

Жил Бобриков в самом центре, в Большом Гнездиновском переулке, месте в московском табеле о рангах весьма почетном. Здесь обитала богема, большей частью кинематографическая (впрочем, тогда в ходу было еще слово «синематограф»), до революции, да и при советской власти квартиры здесь получали люди не случайные, так или иначе заслужившие правительственную любовь. Но и сейчас здесь жить неплохо... особенно если большую часть времени проводишь совсем в ином мире. Удивительно, конечно, как Бобриков сохранил свое жилище в лихие девяностые годы, когда простой народ из центра Москвы расселяли на окраины, превращая старые дома в элитные – для бандитов, депутатов и прочих уважаемых граждан.

Я позвонил в домофон, вошел в чистенький подъезд, вежливо кивнул консьержке – та окинула меня бдительным взглядом, но спрашивать ничего не стала. Поднимаясь на седьмой этаж, подумал, что надо было бы что-то захватить... ну, не торт, наверное... бутылку...

Когда я вышел из лифта, дверь в квартиру Бобрикова уже была открыта. И сам он стоял на пороге, улыбаясь, все такой же седенький, сухощавый, каким я его всегда привык видеть. Только не в охотничьей или туристической одежде, а в мятых брюках, когда-то «выходных», а нынче «домашних», и футболке – веселенькой, молодежной, с какими-то драконами, сцепившимися в схватке.

– Привет, Ударник! – радостно сказал Старик. – Заходи. Ты последний, наши все собрались.

– Наши? – удивился я.

– Наша застава, – пояснил Бобриков. – Ну чего вылупился? Я всех позвал.

– Ну и дела, – только и ответил я, входя.

– Проходи, проходи, не разувайся, у меня все просто... – поторопил меня Бобриков.

Вслед за ним я зашел в просторную, хоть и захлавленную старой мебелью гостиную. Меня приветствовали радостными возгласами и смехом.

Здесь действительно была вся наша застава. Все пять человек кроме меня и Бобрикова.

* * *

...Застава, куда привел меня Бобриков, располагалась километрах в десяти от Антарии, столицы Клондала. Антария и по земным меркам была городом немаленьким, почти миллион населения, а уж для Центрума – это гигантский мегаполис. Понятное дело, что города не растут из земли будто грибы – и за десять километров от любого земного райцентра ты увидишь дороги, поселки, вынесенные за город склады и заводы, линии электропередач... С Антарией все было иначе. Сухая холмистая равнина – не то степь, не то лесостепь (если воспринимать всерьез редкие чахлые рощицы) – была безлюдна и пустынна. Никаких следов цивилизации не было, пока не начало темнеть – тогда на горизонте, в предгорьях, появились огни.

– Компактно они тут живут, – заметил я.

– Не то слово, – засмеялся Бобриков. – Местность такая! Почва бесплодная, воды мало... так что сельского хозяйства нет и в ближайшее время не предвидится. Прирост населения небольшой, а если уж кто-то решит податься на поиски лучшей жизни, так не огород станет городить, просто уедет.

– Не может большой город существовать в изоляции, – упрямо сказал я. – Нужна инфраструктура. Сколько, ты говорил, там народа? Миллион?

– Почти, – кивнул Бобриков. Шел он легко, быстро, я хоть и моложе его в два раза, но едва успевал. – Плюс-минус сто тысяч. А изоляции у него никакой нет, тут ты прав, сам по себе он бы не выжил.

Я хлопнул ладонью по голым плечам, стгоня назойливую мошкару. Та вроде бы не кусалась, но охотно липла к коже, видимо, ей был по вкусу соленый человеческий пот.

– Но тогда откуда-то должны привозить... – начал я. И замолчал – потому что услышал и увидел ответ на свой вопрос.

Прямо по степи неторопливо ползла исполинская серая щетинистая «гусеница». Валили вверх клубы черного дыма, то усиливаясь, то ослабевая. Послышался перестук колес.

– Мать моя... – выдохнул я. – Это же бронепоезд!

– Он самый, – сказал с довольным видом Бобриков. – «Король Атинг», если не ошибаюсь. Был у них в незапамятные времена такой фольклорно-исторический персонаж... или не был, кто его разберет? Что-то вроде нашего Артура, только без круглых столов и Грааля.

«Гусеница» приближалась. Это был самый натуральный бронепоезд, как в фильмах про первую мировую войну. Серые листы тяжелой брони, заклепки с блюдце величиной, забранный решеткой прожектор впереди, стволы пулеметов и пушек, торчащие во все стороны... Паровоз, тендер, две или три открытых платформы с какими-то грузами – и десяток вагонов с орудиями. Бронепоезд проходил от нас метрах в трехстах. Приближаясь, он дал короткий гудок – вверх ударила струя прозрачного пара. Старик помахал бронепоезду рукой, я тоже невольно поднял руку в приветственном жесте.

А следом за бронепоездом пошли составы. Пять длиннющих составов, уже без всякой брони и пушек, просто грузовые вагоны. Поезда шли, на мой взгляд, до опасного близко друг к другу, но, видимо, так здесь было принято. Замыкал этот странный железнодорожный караван еще один «бронепоезд», только совсем крошечный – паровоз, тендер и один вагон.

– Вот так и снабжают Антарию, – сказал Бобриков. – Тут много веток сходится, везут отовсюду. Это еще не самая оживленная трасса... Ну, пошли!

Мы двинулись вперед и миновали пути – на вид самые обычные, одноколейные, с просмоленными черными шпалами и блестящими отполированными рельсами. Поезда укатили к горам, а мы двинулись под углом к путям, к небольшому холму, на вершине которого темнело каменное строение, обнесенное высоким забором. Была там и сторожевая вышка, только на ней никого не было.

– Застава, – сказал Бобриков. – Шестнадцатая пограничная застава Клондала. Добро пожаловать!

– И много вас тут? – спросил я со скепсисом.

– Ты будешь седьмым, – усмехнулся Бобриков.

– Если буду, – уточнил я.

– Да куда ты денешься, – засмеялся он. – Я тебя насквозь вижу. Будешь ты у нас седьмым, Ударник...

– Ударник! – завопил Дед. – Живой! А-а-а!

Он бросился ко мне и, под всеобщий хохот, буквально повис на шее. Я обернулся на Старика, потом посмотрел на остальных – Ведьму, Кальку, Иван Иваныча, Скрипача. Дед болтался на мне, поджав ноги, чтобы не мешали работать живым грузом.

– Вы чего-то налили ребенку? – поинтересовался я. – С чего такая экспрессия?

– Ну что ты, Ударник, как можно, – возмутилась Ведьма. – Мальчику четырнадцать лет, зачем ему пить алкоголь? У него своей дури много.

Я отцепил от себя дурачащегося Деда, отодвинул на расстояние вытянутой руки и с любопытством на него посмотрел.

– Ты чего, Ударник... – смутился подросток.

– Да прикольно вас всех видеть, – сказал я. – Такими вот... обычными.

Здесь, на нашей обычной Земле, все мы и впрямь выглядели совершенно заурядными. Я всегда гадал, чувствуется ли по мне тот образ жизни, который я веду? Судя по товарищам – ни в малейшей мере.

Деду и впрямь было четырнадцать. И был он совершенно обычным подростком – джинсы, кроссовки, умеренно длинные волосы, какой-то плеер, прицепленный к карману рубашки. Обычное лицо, еще детское, но уже с рождающимися в нем мужскими чертами.

Такие подростки могут быть как примерными учениками, гордостью родителей и учителей, так и абсолютными раздолбаями и хулиганами, а то, увы, и бандитами.

И то, что Дед с десяти лет ходит порталами в Центрум, уже два года как заслужил право на работу в одиночку, а год назад хладнокровно убил человека – пусть даже это был бандит, первым стрелявший в него, – никак на нем не отразилось. Пацан и пацан.

Ведьма и Калька сидели рядышком в одном кресле, достаточно широком, чтобы вместить сухонькую старушку и хрупкую девушку. По сравнению со Стариком Ведьма, конечно, молода. Ей чуть-чуть за шестьдесят. Но у нее такой вид... старушечий. Нет, это не неухоженность, дряблость кожи, неопрятность одежды или седина. Волосы она красит, одевается стильно, за собой следит, кожа у нее гладкая. (И я подозреваю, что дело тут не в дорогих земных кремах, а в кое-какой контрабанде, которую мы обязаны пресекать в Центруме... и уничтожать.)

В конце концов, вымазать крем из вытяжки желез стеллеровой коровы на собственное лицо – это ведь тоже способ уничтожить контрабанду?) Но что-то в Ведьме вопиет: «Я старуха! Я вредная злая старуха! Хуже, чем Шапокляк! Почти как Гингема!» Таких очень легко представить склочной соседкой, неприятной дальней родственницей или учительницей-мегерой, но никак не доброй старушенцией, нянчащей внуков. Но на самом деле Ведьма не злая. Она и не добрая, конечно. Она обычная. Просто так выглядит.

Калька совсем другая. Ей двадцать с небольшим. Она хрупкая, с по-детски собранными в две короткие косички волосами, у нее светлое чистое лицо с большими наивными глазами. Она даже в Центруме предпочитала ходить в платье, а сейчас на ней было что-то совсем уж вольное, короткое и воздушное. В ответ на ее улыбку хочется немедленно улыбнуться в ответ.

Я думаю, вы понимаете, что хулиганам лучше не сталкиваться с ней лоб в лоб в темном переулке. И издали при свете дня ей лучше не угрожать – Калька владеет снайперской винтовкой почти так же хорошо, как и ножом.

– Девчонки, вы, как всегда, неотразимы, – сказал я.

– А ты, как всегда, щедр на комплименты, – усмехнулась Ведьма. Калька промолчала, только улыбнулась.

Мужчины сидели на потертом кожаном диване. Иван Иванович поднял в приветствии руку и улыбнулся. Большого, увы, от этого молодого рыжеволосого парня ожидать не стоило. Иван Иванович – немой. Почему – не знаю. Обычно немота связана с глухотой, но он слышал прекрасно, любил музыку, но на все вопросы отвечал лишь улыбкой и виновато разводил руками. И вообще был умным хорошим парнем, но «с особенностью». Мы с этим свыклись. А вот пойманные им контрабандисты обычно очень нервничали, когда их конвоировали в гробовой тишине... Я пожал Иван Ивановичу руку, потом поздоровался со Скрипачом. Увы, Скрипач моим коллегой не был. Прозвище он получил за поразительное сходство со «скрипачом» Гедваном Александровичем из классического фильма «Кин-дза-дза». Ну, точнее, с актером Леваном Габриадзе в молодости... Скрипач к своему сходству относился с терпеливой иронией, не обижался на фразу «Скрипач не нужен» и вообще порой был готов процитировать своего экранного двойника.

– Рад тебя видеть, Ударник, – сказал Скрипач.

– Взаимно, – кивнул я. Подумал и плюхнулся рядом с ним. Это явно было место Деда, но пацан благоразумно не стал качать права и занял второе кресло рядом с женщинами.

Стоять остался только Старик. Вид у него был донельзя благодушный, словно у отца большого дружного семейства, неожиданно собравшегося после долгого перерыва.

Впрочем, в какой-то мере так оно и было.

– Я очень рад, что пришел Ударник, – сказал Бобриков. – Я рискнул назначить время встречи, не ожидая его возвращения из Центрума. Но Иван Антонович не подвел моих ожиданий.

Все зашевелились. Скрипач присвистнул. Ведьма улыбнулась. Только Дед, похоже, не понял, что произошло.

– Старик, я бы попросила не называть... – начала Калька.

– Прости, Галина Розанова, спортсменка и просто хорошая девушка, но я вынужден отклонить твою просьбу, – твердо произнес Бобриков. – Давайте снимем маски. Все мы Иваны да Марьи... но среди нас есть настоящий Иван – Иван Антонович Переславский, известный нам как Ударник. Он музыкант... в прошлой жизни. Играл на ударных инструментах.

Ведьма пожала плечами:

– Все это знают... ну, про профессию... Все что-нибудь да знают.

– Теперь мы будем знать все и всё, – сказал Бобриков. – Продолжу с себя. Бобриков Александр Валерьевич. Ныне на пенсии. Жена умерла, дочь и сын взрослые, живут отдельно. По профессии... – он сделал паузу и улыбнулся, – токарь.

– Чего? – искренне удивился Дед. – Ты – токарь? Старик, ты – токарь?

– Можно подумать, что я сказал «Дед Мороз», – усмехнулся Бобриков. – Токарь я. Детали точил на станке. Некоторые до сих пор у нас над головой летают, знаете ли.

То, что Бобриков работал на космос, Деда с его профессией несколько примирило. Но он все равно смотрел на Старика с искренним удивлением. Дожили... встретить токаря – приключение большее, чем попасть в другой мир!

Хотя скажу честно – в кругу моих друзей-знакомых тоже нечасто встречался пролетариат. И для токаря Бобриков был на удивление начитан и интеллигентен... видимо, и впрямь в СССР в свое время ухитрились вывести некоторое количество «рабочей интеллигенции», после заводской смены читавшей книжки, а не пьющей пиво под игру в домино.

– Кстати, Дед, я советовал бы тебе меньше пропадать в Центруме и все-таки освоить хоть какую-то профессию в нашем мире, – небрежно сказал Бобриков. – Хоть бы и токаря. Пригодится, Рома Дедюлин, воспитанник школы-интерната, состоящий на учете в полиции как склонный к загадочным и длительным побегам.

Дед вскинул голову – и его лицо вдруг стало почти взрослым. Но голос сорвался на тонкий мальчишеский, и это смазало эффект.

– Обязательно это было говорить?

– Да, – твердо сказал Старик. – Обязательно, Рома. То, что у тебя нет родителей и ты воспитываешься в детском доме, никак тебя не компрометирует, уж поверь.

Я сам детдомовский, между прочим. А склонность к побегам – тем более, мы-то знаем, куда ты бегаешь. Но в силу обстоятельств, о которых я сейчас расскажу, нам нужно лучше узнать друг друга.

– Куда уж лучше, – хмыкнула Калька.

Или теперь лучше называть ее Галькой?

Бобриков загадочно улыбнулся ей. Потом сказал:

– Лично у меня вызывало удивление, каким образом ребенку удается постоянно уходить в Центрум. Должен же кто-то беспокоиться по поводу его исчезновений? Пришлось выяснять... Продолжим, Ашот?

Скрипач встал и откашлялся.

– Ашот Саркисян. Бизнесмен... да хрен с этим бизнесом... три фуры есть, в аренде крутятся, грузы возят, мне хватает!

– А говорил – не грузин! – засмеялась Калька.
– Я армянин! – возразил Скрипач. – Что еще сообщить? Был женат, разведен, дочь растет в Тбилиси.

– А говорил – армянин! – совсем развеселилась Калька.
– Дочь в Тбилиси! – огрызнулся Скрипач, садясь. Повернулся ко мне и зачем-то пояснил:
– Жена была из грузинских армянок. А я, между прочим, коренной москвич!
– Тише, тише! – поднял руку Бобриков. – Теперь наш Иван Иванович... он же Петр Петрович Хмель.

Видимо сбрасывая внезапное напряжение, захохотали все. То ли от превращения Иван Ивановича в Петра Петровича, то ли от фамилии. И сам «Иван Иванович» улыбнулся.

– Программист, живет с мамой, неженат, – продолжил Бобриков.
Петр Петрович Хмель вежливо раскланялся и сел.
– С такой фамилией и отзываться на банальное «Иван Иванович»! – вздохнула Ведьма. – Нет, друг!

Отныне ты Хмель!
Иван-Петр Иванович-Петрович развел руками – «не возражаю».
– А про меня что скажешь? – спросила Ведьма.
– Про тебя ничего, – сокрушенно ответил Бобриков. – Потому и встречу тебя назначал в Центруме, а не как всем остальным... Ну?

– Ирина Игоревна Барина, – сказала Ведьма, помедлив. – Работала в федеральной службе безопасности. В... ну, скажем так – службе наружного наблюдения. На пенсии.

Повисла мертвая тишина. Потом Калька хихикнула и сказала:
– Бабушка... Бабушка-наружка...
– Ребятки, дорогие! – проникновенно сказала Ведьма, даже не отреагировав на Калькину острогу. – Работала! Еще со времен СССР! И это никакого отношения к нам не имеет! Чисто земные дела!

– Точно на пенсии? – подозрительно спросил Скрипач. – Говорят, у вас с работы не уходят...

– Еще как уходят, – фыркнула Ведьма. – Да бросьте вы! Меня иногда и сейчас привлекают, если надо... в особых случаях. Но это земные дела! Повторюсь!

– Я вам верю, Ирина Игоревна, – церемонно сказал Бобриков.
– Спасибо, Александр Валерьевич! – прижав руку к груди, произнесла Ведьма.

Как ни странно, но снятие масок и взаимное представление прервал Дед. Подросток досадливо махнул рукой и сказал:

– Ну ладно, Старик, ты всех нас вычислил, ты вообще жутко умный. Хоть и слесарь.
– Токарь! – строго поправил Бобриков.
– Пусть токарь, я в этом не разбираюсь... – ничуть не смутился Роман. – Ты скажи, зачем ты нас собрал здесь, в Москве? Я, как ты знаешь, из Смоленска на электричках ехал! А ребенку моих лет одному передвигаться между городами очень трудно и опасно!

– Молодец, Дед, юмора не потерял! – одобрила его Ведьма. – Старик, колись! Устами ребенка глаголет истина! Зачем мы здесь?

Бобриков откашлялся.
– Друзья мои... соратники! Я собрал вас здесь...
– Сейчас он скажет, что мы должны спасти мир, – громко, на всю комнату, прошептал мне Скрипач. – Так всегда говорят, я знаю, я в кино видел.

– Мне кажется, ни Центрум, ни наш мир в спасении не нуждаются, – так же театрально ответил я.

Бобриков замотал головой.

– Я не о спасении миров, Иван Антонович... Отнюдь! Я о наших шкурах! Спасать надо именно их!

Глава 3

Когда мы поднялись на холм, где стояло здание шестнадцатой заставы, уже совсем стемнело. Только на горизонте светило, все разгораясь, зарево над Антарией. Почему-то чувствовалось, что это не электрический свет. Если бы меня попросили это доказать, я бы только развел руками. Но то ли спектр света был чуть иной, то ли угадывалась в нем какая-то мягкая ровность, непривычная для электричества, – но я был абсолютно уверен, что улицы местных городов освещены не лампами накаливания.

У ворот заставы мои ощущения подтвердились. Здание окружал высокий, метра в два с половиной, деревянный забор, сверху опутанный колючей проволокой. Ворота были непривычно узкие, видимо, ни автомобили, ни повозки внутрь не заезжали. А сбоку от ворот висел маленький колокол с огрызком веревки и фонарь.

Фонарь был простецкий, вроде как кованный, но без всяких украшений. Сугубо утилитарная вещь. А еще он был газовый. Под мутноватым стеклом пряталась широкая трубка, увенчанная сетчатым кружком, на котором плясал язычок яркого белого пламени. Фонарь был щедро засыпан сушеной мошкаррой – видимо, чистили его не слишком часто.

Старик подмигнул мне и несколько раз дернул за веревку. Колокол надтреснуто звякнул. За оградой залаяла собака – надрывно, но опасно.

– Пограничный пес? – попытался я пошутить.

– Да просто шавка приبلудная, – отмахнулся Старик. – На колокольный звон лает – уже хлеб отрабатывает. Давно надо колокол поменять.

– Рынду у начальства попросите, – вторично пошутил я. Увы, то ли у Старика было плохо с чувством юмора, то ли он давно не следил за российской жизнью.

– Попросишь у них... Начальство в пограничной страже очень условное, Ударник. Большею частью сами кормимся.

Это не слишком отвечало моим представлениям о пограничной службе, но уточнять я пока не стал. За воротами послышался шум, и недружелюбный женский голос спросил:

– Кого принесло на ночь глядя?

– Меня принесло, Ведьма! – весело откликнулся Старик. – Открывай... я с гостем. Парень скакнул в Центрум прямо из душа, без штанов!

– Тогда спешу! – ехидно ответила та, кого назвали Ведьмой, и загремели засовы. Я хоть и был в трусах (и обрывках носков), но почувствовал себя голым и жалким.

Ворота приоткрылись, и в узкой щели я увидел ехидную старую каргу. Вот именно так я ее мысленно охарактеризовал, хотя ничего особо зловещего не было ни в лице, ни в одежде. Пожилая женщина сухощавой комплекции, с аккуратной прической, в дорогом спортивном костюме... Разве что здоровенный пистолет в руке мог вызвать опасения. Но честное слово, как раз пистолет был самой милой деталью ее внешности! Удивительный человеческий типаж – «вредная бабка», причем «вредная» у таких начинается с младенчества, а «бабка» – лет с тридцати!

– А что, хорош! – беззастенчиво оглядев меня, сказала Ведьма. Приоткрыла ворота пошире. – Ну, заходи, гость неожиданный...

– Я не напрашивался, – буркнул я в ответ. Ноги ныли и кровоточили, мошкара все-таки, похоже, кусалась, и кожа зудела. – Мне ваш централ на фиг не сдался!

– Центрум, – поправила Ведьма. – Централ – он Владимирский, тут просто Центрум... А ты ершистый. Как звать-то?

– Ваней, – ответил я.

– А ты как его назвал? – спросила Ведьма Старика.

– Ударник он.

– Коммунистического труда? – Ведьма снова противно засмеялась.

– Музыкант. На всяких тарелках играет.

С мерзким хихиканьем и каким-то гнусным бормотанием себе под нос Ведьма пошла к зданию заставы. Старик за моей спиной запирает ворота.

– Ну и... – я замялся.

– Стерва? – негромко уточнил Старик. – Да нет, Ударник. Она хорошая. Это ее манера людей проверять – кто и как долго вытерпит.

– Я уж точно недолго!

– Поживем-увидим, – пожал Старик плечами. – Эй, Ведьма! Баньку бы истопила!

– Если пошевелитесь, то успеете помыться, горячая еще! – отозвалась она, не оборачиваясь. – К нам Дед заявился, я его отмывала.

– Тогда поспешим, – обрадовался Старик. – Баня, она с дороги лучше всего!

С этой мудростью я спорить не стал и, с любопытством оглядываясь, пошел вслед за ним по двору. Смотреть особо было нечего – кирпичное здание заставы, не очень большое, приземистое, но при этом двухэтажное, с плоской крышей, из которой торчало несколько печных труб. Из одной шел дымок. Рядом с домом стояла деревянная вышка, метров шесть-семь высотой, с маленькой крытой площадкой наверху. Вид у нее был совершенно простецкий и затрапезный, такие скорее ожидаешь увидеть где-нибудь в поле, с дремлющим под вышкой стареньким сторожем, чем на пограничной заставе. Никого на вышке не было, а лестница выглядела такой шаткой, что я бы поостерегся лишний раз подниматься. Перед зданием стоял флагшток, на котором вяло обвис грязно-белый флаг. Чуть поодаль – деревянный сарай, рядом небольшая поленница дров, в сторонке, как положено, деревянная баня. Перед баней стояла здоровенная бочка, к которой была прислонена лесенка. Из конуры, устроенной прямо у входа в здание заставы, побрехивал, не высовываясь, пес – но уже потише, видимо решив, что впущенные внутрь временно исключаются из числа врагов.

Баня была правильная. Чистый предбанник, лавки, стол с еще горячим самоваром. Парная человек на шесть, действительно не успевшая остыть, и вода еще была в избытке. Интересно, как они сюда воду таскают, на вершину холма? Неужели ведрами? Старик быстро разделся и, довольно покряхтывая, направился в парную. Я – следом.

Единственное, что смущало, – внутри опять же не оказалось никакого освещения, в парную свет шел через крошечное окошко, выходящее в предбанник, где Старик зажег масляную лампу. Мы сидели на полках, медленно отмокая и расслабляясь. Потом Старик сходил за тазиком, в котором замочил какие-то травы, поддал пару. Я почувствовал, что израненные ноги принялись кровоточить, но решил не обращать на это внимания.

– Ложись, веничком пройдуся, – сказал Старик.

– Спасибо... – искренне ответил я, вытягиваясь на полке.

– Спасибо не отделаешься, второй веник для меня, – усмехнулся мой спаситель. – Ну... держись, Ударник!

Я держался. Парил Старик жестко, но тело отзывалось на взмахи веника с благодарностью. Никогда раньше я не был особым любителем бани. Но и совершать марш-броски по пересеченной местности мне раньше не доводилось...

– Старик, а электричества тут нет? – спросил я. – Не придумали еще?

– Придумали, но нету! – отхаживая меня веником, ответил Старик.

– Это как же?

– А трудно тут с электричеством, Ударник. Видишь ли, тут пластмасса не живет.

– Какая пластмасса?

– Да любая. Поливинилхлорид, полиэтилен, эпоксидка... даже целлулоид!

– А что, целлулоид – пластмасса? – спросил я. Всплыло в памяти что-то из детства – парень постарше показывает невзрачный кусок пластика и заговорщицки сообщает: «Дымовуху делать будем!»

– Самая первая, образованный ты наш! Чего ж так плохо химию знаешь, вроде не при Фурсенко учился!

– Да у меня с химией всегда было не очень, – признался я.

– Переворачивайся, – велел Старик. – Хозяйство прикрывай ладонью и держись... Не за хозяйство держись, а просто держись, остолоп! Так вот, пластик здесь разлагается за несколько часов. Некая особенность мира Центрум. Ученые мужи ее называют «высокомолекулярной чумой». Насколько мы знаем, началась она больше ста лет тому назад. По всему Центруму начали разлагаться пластики... ну, те, что тут успели изобрести. Время в наших мирах схоже, у них было нечто вроде начала двадцатого века, как раз все экспериментировали с электричеством... и вдруг лишились всей изоляции!

– А резина? – спросил я.

– Природная резина существует, – согласился Старик. – Но ее здесь мало, она очень дорога. Можно, конечно, прокладывать провода без изоляции, пользоваться стеклом, фарфором... есть способы, короче. Но это все сразу лишает электричество главного преимущества – дешевизны и легкости использования. К тому же – что ты будешь делать с электричеством без изоляции? Разве что простейшую лампочку соорудишь. Никаких электронных устройств, никаких печатных плат.

– Да, не повезло ребятам... – согласился я.

– Им больше с другим не повезло, Ударник. У них еще и нефть разложилась.

– Как?

– Точно так же, как пластики. Так что гикнулись все бензиновые двигатели, энергетика... В общем, они сидят на угле и газе. Отсюда и паровозы, и общая... ну, не назову это отсталостью... законсервированность мира. Центрум – царство паровых машин... и в этом они, кстати, неплохо продвинулись!

– И с чего у них это случилось? – спросил я. – Само собой?

– Да нет, основная версия – что это была диверсия из другого мира, – Старик пожал плечами. – Ему даже название придумали, «Очаг», ну, как точка заражения, откуда пошла чума. Но точно никто ничего не знает, если это и диверсия, то никаких завоевателей не появилось. Может, чума и на них перекинулась?

– Хорошо, что до нас не дошла, – озабоченно сказал я.

Старик бросил веник:

– Все, пошли в купель, мочи нет!

Перед вторым заходом мы сделали перерыв и выпили чая. К моему удивлению, это был банальный «Липтон» в пакетиках.

– С Земли таскаем, – пояснил Старик. – Здесь есть свой чай, но дешевле носить с Земли. Вообще, пойми основу основ – многие вещи стоят дешево в одном мире и дорого в другом. Что возникает в такой ситуации?

– Торговля.

– Ха. Торговля бы возникла, будь между мирами нормальные дороги. А если весь товар ты можешь утащить только на своих плечах? И точка твоего выхода в Центрум будет известна лишь приблизительно, а в другой мир из Центрума ты можешь попасть только с помощью проводника из другого мира? Что тогда?

– Мелкая торговля, – хмуро ответил я. – Все собираются на базаре в Центруме и меняются товарами...

– Контрабанда! – наставительно сказал Старик. – В первую очередь возникает контрабанда. Нет, конечно, законы Центрума требуют именно что вести цивилизованную торговлю. На каждой обжитой территории, в каждом городе есть рынки, куда можно принести товар, заплатить местным властям пошлину и торговать. Но пошлина высока! А искушение велико. Поэтому многие пытаются протащить товары через Центрум нелегально. И мы, пограничники, призваны с этим бороться.

– С какой стати? – спросил я. – Нет, ты мне ответь честно, зачем? Какой наш интерес? Как я понял, местные власти не слишком-то сытно вас кормят. А вы на них работаете! Еще и под пули лезете, верно?

– Случается, – кивнул Старик. – Нет, ты молодец, правильные вопросы задаешь... Тебе как ответить – возвышенно или цинично?

– И так, и эдак.

– Тогда вначале возвышенно. Во всем должен быть порядок. Многие вещи, привычные в одном мире, в другом вызовут катастрофу.

– Наркотики?

– Не только. Существуют простые вещи, которые, оказавшись не в том месте, способны разрушить цивилизацию. Например, книги.

Я насмешливо фыркнул.

– О, ты зря, Ударник. Чем может стать Библия или Коран в мире, не знающем понятия Бога? Ладно, оставим теософию... чем может стать «Капитал»? «Майн Кампф»? Теория «оранжевых революций»? Да хотя бы добрейшее и мирное описание технологии производства пенициллина вместе с образцами грибковых культур...

– А пенициллин-то здесь при чем?

– Представь себе мир, в котором ресурсов мало. Очень мало. Мизерное количество. Самых простых ресурсов – пищи, воды... И в равновесии он существует лишь благодаря неразвитой медицине, высокой детской смертности и прочим печальным вещам. При этом люди там живут добрые, неглупые и любознательные, просто не повезло им с миром. И вдруг в этот мир попадает простая технология борьбы с инфекцией. Восторг! Смертность резко падает. Продолжительность жизни растет.

– И? – спросил я.

– Начинаются войны, голод, каннибализм.

– Ерунда, – сказал я. – Не верю.

– А такой мир есть, – спокойно ответил Старик. – Именно с такой историей. Был бедный, но спокойный мир. Через одно поколение стал еще более бедный, но кровавый. Если хочешь, как-нибудь сводим тебя туда... только надо будет найти проводника из их мира... и хорошенько подготовиться. Опасно там... а началось все с пенициллина... Ладно, пошли, я тоже пропариться хочу.

Здание заставы, похоже, было выстроено на руинах какого-то древнего сооружения. Стены-то были кирпичными, оштукатуренными с небрежностью, которая выглядела почти нарочитой и декоративной (хотя уверен, никто такой целью не задавался). Но кое-где в них вросли остатки старой каменной кладки, из громадных, тщательно пригнанных друг к другу камней. Видимо, руины просто восстановили, используя кирпич, и провели простенький ремонт. Не стали заморачиваться даже какими-нибудь перегородками – все помещение первого этажа представляло собой одну здоровую комнату, примерно десять на пятнадцать метров размерами. Будь потолки повыше, ее можно было гордо назвать «залой», но до потолка я мог дотянуться рукой, встав на цыпочки. Полы были из некрашеного дерева, небольшие окна застеклены на английский манер – с поднимающимися вверх рамами. Несколько дверей, судя по всему, скрывали то ли стенные шкафы, то ли какие-то хозяйственные каморки.

Один угол явно использовался как кухня – там была железная печь, на которой стояли какие-то кастрюли, грубый буфет с посудой, стол и две деревянные лавки. Другой угол служил чем-то вроде спортивного уголка – там лежали гантели, небольшая штанга, шведская стенка. А в центре комнаты располагался очаг, в котором горел огонь, нечто вроде открытого на все стороны камина с уходящей вверх, в потолок, дымовой трубой. Выглядело это опять-таки стильно, и я заподозрил, что стройку все-таки вел человек с претензией на художественный вкус.

Вокруг очага были разбросаны кресла и диваны – и вот они с обстановкой резко контрастировали. Хорошая старомодная мебель, полированное дерево и потертая темная кожа. В одном кресле сидела Ведьма и читала книжку – я глянул на обложку и понял, что этот язык мне не знаком. Графически буквы походили на латиницу, но все-таки были другими. На диване лежал кто-то мелкий, с головой укутавшийся в одеяла.

– С легким паром, – приветствовала нас Ведьма, не отрываясь от книги. – Еда на плите.

– Спасибо, – сказал я.

– Одежда подошла?

– Тоже спасибо, – кивнул я.

Одежду я обнаружил, когда мы стали выходить из бани. Джинсы моего размера, рубашка, носки, ботинки, белье... Все, что нужно.

– Тебя и впрямь из душа унесло? – спросила Ведьма. – Не во время секса?

– А с чего такой интерес?

Она посмотрела на меня поверх книжки.

– Сугубо прагматический. Способность открывать врата появляется при различных эмоциях. Есть люди, которые открывают врата при испуге, другие – во гневе, третьи – напившись... Случаются и те, кому для этого нужен секс.

– А я так понял, что тут какие-то движения нужны...

Она презрительно фыркнула.

– Движения тоже. И даже слова. Один парень перемещался, напевая свою любимую мелодию. Но ты Старика не слушай, все-таки в основе лежат эмоции. Вспоминай, что с тобой было, когда ты мылся. Настроение, мысли...

– С утра вспоминаю, – я пожал плечами. – Да ничего особенного! Помылся. Вышел из душевой кабинки... у меня даже ванны нет, я вместо нее кабинку хорошую поставил, с гидро-массажем... Начал вытираться... шагнул назад... И вот я здесь.

– Плохо, – сказала Ведьма, снова уткнувшись в книгу. – Две трети людей, однажды открывших порталы, никогда больше не сумели повторить этого действия.

– Пошли есть, – толкнул меня в бок Старик. – Что ты ее слушаешь, она любит на нервах поиграть...

– Я просто информирую юношу о реальной ситуации, – отозвалась Ведьма.

Мы сели за стол, Старик наложил мне и себе еды.

В общем, более громкого определения она не заслуживала – разваренные овощи с мясом подошли бы на рагу, но для этого их стоило готовить минут на сорок меньше.

Но я хотел есть и к мелочам не цеплялся. Тем более что Ведьма обронила, по-прежнему не глядя в нашу сторону:

– Кулинария – не мой конек.

Старик усмехнулся, достал из буфета графин, три рюмки. Наполнил их темной жидкостью. Я уже без содрогания глотнул местного «виски». Ведьма за рюмкой подошла сама, не отрываясь при этом от книги. Хлопнула одним махом, поставила рюмку на стол и двинулась обратно.

– Интересная книжка? – спросил Старик.

– Дамский роман, – уклончиво отозвалась Ведьма. – Он – красавец, герой, клондальский аристократ. Она – пришлица из нашего мира, контрабандистка. Красивая, юная и стервозная.

Он ловит ее, но жалеет и отпускает. Она обещает больше не возвращаться. Он начинает тосковать и перемещается в наш мир... далее очень смешно. Ну, для нас смешно. Одно описание гонки на автомобилях чего стоит... Когда у «Мерседеса» взрывается паровой котел...

Старик захохотал.

– Совсем сочинители из ума выжили! Как этот аристократ к нам перемещается – если он из Центрума?

– Любовь проявила в нем уникальные способности, – просто ответила Ведьма.

– Да уж, – фыркнул Старик. И пояснил мне: – Жители Центрума не способны перемещаться в другие миры. Они не открывают порталы, в другой мир их надо проводнику тащить...

– Проводнику?

– Ну, есть люди вроде нас. Могут сами пройти через портал... еще и человека-двух с собой прихватить. А есть сильные проводники, могут провести целую группу, даже машину... хотя это глупо, конечно, в Центр машины тащить. Так вот, те, кто посильней, могут местных в другие миры вытаскивать. Но и это, говорят, непросто. Порталы норовят закрыться раньше времени. Словно местные резиновым жгутом к Центруму привязаны и их обратно тащит...

Он налил нам еще по рюмке и убрал графин.

– Хватит. Хотя... ты не похмельный был, когда сюда попал?

– Пару рюмок накануне выпил, – пожал я плечами. – Мы в ресторане играли, потом хлопнули коньяку, прежде чем расходиться.

– Пару? – уточнил Старик.

– Да. Точно.

– Тогда хватит. С утра будем тебя проверять. Душа у нас нет, но я, так уж и быть, на тебя из ведерка полью, а ты попробуешь все повторить...

Я уныло кивнул. У меня начали появляться серьезные сомнения, что я сумею вернуться домой самостоятельно.

А если меня проведет Старик... готов я к этому? Нет, меня вполне устраивает моя жизнь. Я вообще человек довольный бытием и к авантюрам не склонный, я никогда не мечтал попасть в иной мир и стать каким-нибудь чокнутым рыцарем с волшебным мечом, даже в детстве... Но жить, зная, что рядом есть, на самом деле есть, другие миры! И что где-то во мне скрыт волшебный ключ к этим мирам, ключ, который я однажды случайно нашел – и потерял...

Но какова альтернатива? Остаться жить здесь?

В мире без электричества и машин? Служить в непонятной «пограничной страже»? Нет, как-то не хочется...

– Не грусти, Ударник, – Старик почувствовал мое настроение. – Справимся. Не ты первый, не ты последний...

Человек, спавший на диване, зашевелился. Из груди одеял высунулась коротко стриженная мальчишеская голова. Мрачно уставилась на меня. Потом на Старика.

– Привет, Дед! – сказал Старик.

– Угу, – пробормотал мальчишка и снова зарылся в одеяла.

Я удивленно глянул на Старика.

– Ну да, пацан, – кивнул Старик. – Ты на прозвища не ориентируйся. Это у меня оно по делу. А бывает – прямо наоборот.

– Он что, пограничник? – поразился я.

– Ага. Самоучка! – Старик говорил с такой гордостью, будто речь шла о его сыне. – Самостоятельно разобрался, как открывать порталы. Излазил весь Клондал, стал очень известным воришкой в Антарии. Ну, сам понимаешь, вор, который способен мгновенно убежать в другой мир, – хороший вор! Но потом его все-таки поймали. Исхитрились. Должны были бить плетями, отсечь кисть правой руки и отправить в лагерь для перевоспитания малолетних преступников. Но мы его отпустили, взяли на поруки, перевоспитали...

Из одеял донеслось недовольное бурчание.

– Обогрели, накормили, уму-разуму научили! – повысил голос Старик. – И не бухти там, а то будешь три дня драить всю казарму!

– Мне так показалось, что ваша работа довольно опасна, – осторожно сказал я.

– Есть такое дело, – кивнул Старик.

– Но тогда стоило ли привлекать ребенка...

– А какова альтернатива? – удивился Старик. – Ну отвели бы мы его домой. И что? Он бы опять сюда полез. Для того, чтобы лишиться этого парня способности открывать порталы, требуется нанести ему определенные физические увечья. Я как-то не готов! А так мы за ним приглядываем, воспитываем...

Из-под одеял донеслось что-то явно не на русском.

– Завтра моешь пол в спальне, Дед, – не повышая голоса произнес Старик. – Так вот, Ударник, если уж человек научился ходить в Центр – судьба у него простая. Либо он в контрабандисты подается, либо в пограничники, либо среди местных оседает. Но такого, чтобы человек вернулся домой и зажил обычной жизнью – не припомню.

– Бывает, – подала голос Ведьма.

– Все бывает, – согласился Старик. – Верю. Но не припомню!

– А кто еще у вас... э... служит? – спросил я.

– Служат собачки, мы службу несем, – веско и явно чужими словами ответил Старик. – Застава у нас небольшая, тихая... Все с Земли. С нашей Земли... более того – из России. Есть еще Калька. Девочка совсем, лет восемнадцать-девятнадцать... ты ее не обижай, Ударник! Она кокетничать любит, но ради всего святого, не сочти это за повод зажать ее в углу!

– Да не бойтесь вы за свою Кальку, я не сексуальный маньяк, – поморщился я.

– Мы не за нее. Мы за тебя боимся, – спокойно сказала Ведьма. – Она... она девочка такая... нежная, воздушная... но что-то, видимо, было у нее в жизни несладкое... Не любит она мужиков. Дразнить любит, а так – нет.

– Понятно, – кивнул я. – Ну, бывает... это нынче как бы даже модно...

– Ты не понял, – покачала головой Ведьма. – Она и женщин не любит. Нас всех она как боевых товарищей терпит. Разве что Деду, поскольку тот мал и глуп, симпатизирует.

Из-под одеяла опять донеслось возмущенное бормотание.

– Понятно, – сказал я. – К Кальке не приставать, относиться с почтением. Что еще?

– Кто еще, – наставительно сказал Старик. – Иван Иваныч. Мы тут все Иваны, но у него прозвище такое, поскольку в лицо называть Немым – неудобно, а спросить не получается. Не говорит он совсем. Но слышит хорошо! И жестами все что хочешь тебе разъяснит.

– Угу, – сказал я задумчиво. – И так – старик, пожилая женщина, ребенок, чем-то психологически травмированная девушка, немой... пардон, альтернативно говорящий... Кто еще? Негр у нас есть?

Ведьма засмеялась – и засмеялась хорошо, весело и искренне.

– Ударник, а ты мне нравишься! Честное слово! Нет, негра у нас нет, исторически в России негры редкость.

У нас есть Скрипач. Ну?

Я пошевелил мозгами. И высказал предположение:

– Грузин?

– Бинго! – воскликнула Ведьма. – Только он говорит, что армянин. Может, и так. В общем, негров в России традиционно заменяют представители других южных народов.

– И вы еще зовете к себе меня! – продолжил я. – Ударника. Человека, тусующегося с музыкантами. В бою – устойчивого, как кол в навозе.

Старик нахмурил лоб, потом поднял большой палец и торжественно сказал:

– Цитируешь сказки «Тысяча и одной ночи»?

Молодец!

Я тоже глянул на него с возросшим уважением. Ничто так не сближает людей, как угданная цитата из книги.

– У вас не застава, господа пограничники, – сказал я. – У вас богадельня. Инвалидная команда.

Ляпнув это, я испугался, что перегнул палку или, как сформулировала бы Шахерезада, «превзошел грань дозволенного и углубился в области запретного».

Старик и впрямь посмотрел на меня неодобрительно. Но Ведьма кивнула и даже отложила книжку.

– Ты прав, конечно. Но инвалид – если уж вспомнить исконные значения слова, – это всего лишь ветеран. Так вот, мы все в той или иной мере ветераны. Даже этот сопливый мальчишка, что от смущения хамит, не высовываясь из-под одеяла, повидал такого, что на Земле мало кому довелось. И нас существование на этой тихой пограничной заставе в ином мире устраивает. Дает нам достаточно адреналина, чтобы почувствовать себя живыми, и в то же время не напрягает сверх меры.

У нас иногда появлялись новички, которые через месяц-другой уходили в места поинтереснее. А вот мы остались. Нам... нам нравится, Ударник. Я думаю, ты разберешься, как открывать свой... – она вдруг ехидно усмехнулась, – задний портал. И если захочешь, то уйдешь в другое место. Я тебе назову десяток таких, где у тебя волосы дыбом встанут, а уж приключений будет – вагон и маленькая тележка. Но я почему-то думаю, что ты останешься с нами. На какой-то обозримый срок.

– Почему это? – спросил я.

– А мы тебе понравились, – усмехнулась Ведьма. – Ладно, хватит болтать. Старик, отведи-ка ты его наверх, в свободную комнату. Я тут пока посижу, с Дедом. Как заснет, сама его в постель отнесу.

Я удивленно поднял бровь.

– Он боится один засыпать, – пояснила Ведьма. – Ну, у всех свои странности, верно?

Глава 4

На стол Бобриков поставил бутылку бренди. Армянский «Арарат», пять звездочек. Не думаю, что он не мог позволить себе купить французский коньяк, – скорее всего, это было дело принципа. За бутылкой последовали семь пузатых коньячных бокалов. Одинаковых, между прочим. Уважаю людей, у которых дома количество одинаковых бокалов превышает шесть единиц!

Ашот придирчиво осмотрел бутылку, понюхал бокал и кивнул, всем своим видом показывая – «правильный напиток».

Ромка тоже оживился, но перед ним Бобриков жестом фокусника водрузил бутылку «Байкала».

– Подумаешь... – начал было подросток.

– Повторяю. Сам с собой или с друзьями – можешь хоть водку пить или траву курить, – сказал Бобриков. – Если дурак совсем. Но при мне ты не будешь ни пить, ни курить. Понял?

Спора не получилось, Ромка тут же притих и стал молча отвинчивать пробку на лимонаде.

Бобриков наплескал всем на палец коньяка, после чего торжественно поднял бокал.

– Итак, друзья, мы собрались по очень серьезному поводу. Предлагаю вначале... Петр Петрович!

Хмель, уже заглотивший свою порцию, виновато улыбнулся и развел руками.

– За удачу, – сухо предложил Бобриков и выпил. Вытер губы рукавом и продолжил: – Дорогие мои друзья. Мальчики и девочки. Молодые и не очень. Как я уже сказал, нас всех хотят убить...

Он обвел нас внезапно потяжелевшим взглядом.

И, повысив голос, рявкнул:

– Кто напортачил? Признавайтесь!

Вопрос был хорошим. Я это так и сказал, только в несколько грубой форме. А потом добавил:

– Александр Валерьевич, не надо изображать из себя крутого служаку, а из нас делать идиотов. Мы не понимаем, в чем дело. Я, лично, не понимаю! Объясни, а уже потом спрашивай.

Галя одобрительно кивнула, Ашот добавил:

– Ты, прежде чем задавать вопросы, которые сам не понимаешь, с народом посоветуйся. А то из-за того, что ты нами командуешь в Центруме, ты и здесь начал кричать. Не надо! Это неуважение. Мы все взрослые люди... ну, почти все. Состоявшиеся в жизни, воспитанные...

Ты объясни!

– Объясню, – мрачно сказал Бобриков. – Помните главу Комитета по пограничной страже?

– Советник Гольм? – уточнила Барина. – Тот бородатый дядька, местный, которого ты однажды спас?

Бобриков кивнул.

– Он самый. Три дня назад, когда Ударник ускакал в горы за нарушителем, он вызвал меня в Антарию.

Ну, кое-кто из вас помнит...

– Меня не было, я у друга на свадьбе был, – быстро вставил Ашот.

– А я к экзаменам готовлюсь, – тоскливо сказал Ромка.

Остальные, очевидно, были на заставе, потому что больше уточнений не последовало.

– Я полагал, это какая-то обычная бодяга, – продолжал Бобриков. – Ну... какой-нибудь смотр пограничников... или палата лордов выпустила дурацкий циркуляр, который надо дове-

сти до всех застав... В общем, дурного не ждал. Но Гольм меня встретил... странно. Во-первых, я даже не доехал до министерства. Меня высадили рядом, в городском парке, там меня советник и ждал.

Во-вторых, дело было не в циркуляре... Гольм показал мне бумагу, пришедшую из штаба пограничной стражи.

– Главного штаба? – уточнила Барина. – Всепланетного? А он что, всерьез командует пограничными войсками на территориях?

Ее реплика слегка развеяла всеобщую оторопь. Действительно, хотя пограничная стража и считалась всепланетной... «центрумной», но де-факто на каждой территории действовала сама по себе. Общий устав, конечно, был, но везде имел свои особенности. К примеру, в Клондале, территории крепкой и организованной почти как нормальное земное государство, мы были подотчетны палате лордов и Министерству иных миров, где как раз и трудился господин Гольм. А вот где-нибудь на Лорее пограничники существовали обособленно и действительно подчинялись только уставу. Штаб Корпуса пограничной стражи, рассылающий свои директивы, рекомендации и указания, это прекрасно понимал – и, по общему мнению, служил скорее красивой декоративной ширмой, чем органом реальной власти.

– Да, из Главного штаба, – подтвердил Бобриков. – И это была не обычная писулька – «крепите боевую выучку!» Это был приказ... точнее, очень жесткое требование: арестовать нашу заставу и отправить в Главный штаб, «всеми доступными способами лишив возможности перемещения из мира в мир».

Галька залиvisto рассмеялась. Зная, каким образом она открывает свои порталы, я понимал, что возможность лишиться своего умения она всерьез не рассматривала. Но вот Ромка надулся и помрачнел, а Ашот на глазах стал багроветь.

– Лишить? – воскликнул он. – Всеми способами? Да я их самих... всеми способами!

– Гольм, – не реагируя на реплику Ашота, продолжал Бобриков, – все-таки оказался настоящим мужиком. Зря я на него сердился за ту историю с патрулированием в предгорьях... Он поговорил с министром по Иным Мирам, высказал удивление всей этой историей... в общем – настроил того против Главного штаба.

В палате лордов Гольм просто не стал поднимать вопрос... «до уточнения ситуации». Они вместе с министром написали запрос в Корпус... ну, я полагаю, министр просто подмахнул письмо. Я прочитал копию... такой шедевр бюрократической переписки... ни в чем прямо не отказано, но со ссылкой на законы, прецеденты и постановления требуют от штаба уточнений, заверений в почтении, самых главных печатей и подписей. В общем – пока ответа не будет, нам ничего не грозит. Письмо Гольм отправил уже после встречи со мной. Не срочной почтой, «в связи с особой секретностью и деликатностью поднимаемых вопросов», а дипломатической, которая идет в два раза медленнее. Даже если штаб ответит немедленно, у нас есть как минимум неделя, а скорее всего – десять дней.

– А когда ответит, то что? – спросила Барина.

– Тогда нас арестуют, любыми способами лишат возможности открывать проходы и отправят в штаб, – любезно сообщил Бобриков. – Гольм очень извинялся, но это все, что он смог сделать, – дать нам время. Клондал не станет ссориться с главным штабом пограничников. Во всяком случае, без серьезных оснований.

– Мы несерьезные? – спросил Ашот возмущенно.

– Нет, – Бобриков покачал головой. – Вот если бы мы случайно спасли лорда-протектора Данвила, а не советника Гольма, – Клондал послал бы весь Корпус куда подальше.

Галя прищурилась и сладко потянулась:

– Данвила? Я бы его с удовольствием спасла... Но не припомню ситуацию, когда он нуждался бы в спасении.

Лорд-протектор Данвил, фактический глава Клондала (вдовствующая королева и ее дочь, по малолетству ни на что пока не претендующая, исполняли сугубо декоративные функции), и впрямь был видный мужчина. Ему было хорошо за пятьдесят, но Галине, похоже, именно такие и нравились – немолодые, мужественные, с благородной сединой в висках и твердым холодным взглядом. Впрочем, такие нравятся всем женщинам. Природные инстинкты сразу им подсказывают, что такой матерый самец – хороший добытчик и защитник. Ну а все остальные мужские функции всегда можно переложить на советников и секретарей (обычно матерые самцы к этому относятся с пониманием – лишь бы жены не слишком афишировали свои интрижки, а детей рожали от законного мужа).

– Увы, таких покровителей у нас нет, – сказал я. – Так что будем делать, начальник?

– Не высовываться! – пожав плечами, предложил Скрипач. – Пусть сюда приходят, арестовывают!

– И впрямь, – поддержала его Баринова. – Что они нам сделают на Земле? Ничего. Даже если найдут... там – свои игры, здесь – свои. Напугали... – Она рассмеялась и обвела нас взглядом. Но взгляд почему-то был невеселый. – Верно? А? Что насупились?

– Неверно! – неожиданно встрял Рома. Я заметил, что пацан уже выдул весь лимонад – и когда только успел? – Вам, может, и здесь хорошо. Вы взрослые... и вообще. А я тут жить не смогу. Мне в Центруме нравится. Вы извините, конечно, но если что – так я в Центрум, на поезд и куда-нибудь в Лорею. Или в Краймар.

Он секунду помолчал, потом, застенчиво улынувшись, добавил:

– Извините...

– Да никто из нас не откажется от путешествий в Центрум, – сказала Галя. – Ирина, ты же это прекрасно понимаешь, да?

– Мне было важно, чтобы вы сами поняли, – ответила Баринова. – Не откажемся, верно. Тогда что... сменим дислокацию? Из Москвы нас обычно выносит в Клондал, в окрестности Антарии. Что ж! Давайте уедем. Родину менять не предлагаю. Но с Дальнего Востока нас будет выносить в Аламею, из Калининграда – в Краймар. Что нам больше нравится? Патриархальная уютная Аламея? Или краймарская плутократия?

– А я бы в Лорею отправился, Роман прав, – неожиданно сказал Ашот. – Я там один раз был – интересно.

– Был? – заинтересовался Ромка. – Как?

– Вынесло из Москвы, – Ашот пожал плечами. – Сам знаешь, всяко бывает. Красиво... на Кавказ похоже.

– Чтобы постоянно ходить в Лорею, надо поселиться во Франции или Италии, – негромко сказал Бобриков. – Что уже усложняет переезд. Но... допустим. Разорвем все связи, уедем в другой город или другую страну...

Раздался выразительный вздох. Хмель взялся обеими руками за свое горло и изобразил попытку удушения. Грустно покачал головой. Стал изображать, что рвет на себе волосы. Покачал на руках что-то невидимое.

– Маму не можешь оставить? – спросил Бобриков.

Петр Петрович кивнул.

– А я как? – воскликнул Роман. – Вам хорошо, вы взрослые! А я нет! И вообще никаких прав не имею, я детдомовский!

– Я тебя усыновлю, – фыркнула Баринова и притянула Ромку к себе. – Давно пора заняться твоим воспитанием.

– Помогите! На меня напала женщина-маньяк! – радостно завопил Роман. – Пристает к ребенку!

– Тихо, – сказал Бобриков. – Развеселились... Без Центрума мы прожить не сможем, это факт. Это наша жизнь. А уехать – не выход. Если нас ищет штаб пограничной стражи – то

искать будут везде. Найдут и в Лорее, и в Аламее... Невелики мы птицы, чтобы нас не выдали. Если бы не Гольм – уже везли бы в штаб...

– Согласна, – сказала Баринова. – Не о том думаем. Мы не можем без Центрума, а пограничная стража найдет нас на любой территории. Тем более, если мы пустимся в бега... в США это считается признанием вины, слышали? Надо думать о том, в чем вообще нас обвиняют. Мы – самая обычная... нет, не так! Мы очень скромная и тихая застава, за которой не числится ни великих подвигов, ни больших провалов. Сидим себе возле столицы, раз в месяц нарушителей ловим. Давайте-ка подумаем, кому и как мы перешли дорогу.

Вначале засмеялся Ашот. Потом я. Потом Галина. Уж очень странным было предположение, что мы встали кому-то поперек пути. Только Ромка хмурился, а Хмель улыбался в своей обычной манере.

– Давайте попробуем, – поддержал ее Бобриков. – Начну с себя. За последние три года я привлек в пограничную стражу одного человека – Ударника. Замечаний по этому поводу вроде бы ни у кого нет... Два года назад совершенно случайно спас советника Гольма. Приятный, тихий человек, семьянин и гурман. Ни с кем, на мой взгляд, не конфликтует. Задержал пять нарушителей. Трое зарегистрировались как вольные торговцы, я проверил – с ними все в порядке, периодически появляются в Центруме, товары продают на официальных рынках. Один так и не смог понять, как открыл проход. Получил значок случайного нарушителя, был лично мной отправлен домой в Коломну. Рыдал и просил не выгонять, но остаться навсегда побоялся... Еще одна женщина с Украины не смогла вспомнить, как открыла портал, но с удовольствием осталась в Антарии. У нее сейчас чудесный салон «Ласки иноземья» в нижнем городе... Никому в Центруме я вреда не причинял, с властями не конфликтовал, отчеты сдавал в срок. Все.

Бобриков развел руками.

– Хмель, ты за собой какую-нибудь промашку знаешь? – спросила Баринова. – Задержал кого-нибудь, кого не надо было... застрелил без вины... лорда-протектора матом обругал?

Хмель прижал правую руку к сердцу и замотал головой так отчаянно, будто проверял шею на прочность.

– Галя? – Баринова как-то незаметно взяла на себя ведение расспросов. Или лучше сказать «допросов»? – За последнее время... ну, год-два... было что-то необычное?

Некоторое время девушка размышляла.

– В перестрелке с бандой Хромого уложила двоих, – сказала она наконец. – Считается? Баринова покачала головой.

– Клеился ко мне в Антарии какой-то аристократический хлыщ. Я с ним поиграла, – она усмехнулась, – потом велела убираться.

Ашот цокнул языком:

– Нехорошо, конечно... Но неподсудно, да?

– Нас не власти Клондала преследуют, – заметил Бобриков. – Так что... вряд ли.

– А ты, Ашот? – спросила Баринова.

– За три года – четырех нарушителей... ну... – Ашот замялся. Я его понимал. В Центруме это слово произносилось гораздо легче... – Застрелил. Вроде как всех за дело, в бою.

– Да ты у нас серийный убийца, – ехидно сказала Баринова. – Я вот никого ни разу не убила.

– Ты и в дозоры ходишь нечасто, – всерьез отпарировал Ашот. – Взятки не брал, начальство не ругал, контрабанду... ну, можно сказать, всю сдавал властям.

Баринова улыбнулась:

– То, что процентов десять-пятнадцать контрабанды оседает у пограничников – ни для кого не новость. Нас поэтому почти и не финансируют... Ударник?

– Я убил двоих, – сказал я. – В перестрелках. Один был контрабандист с грузом, второй без груза, но и он в меня стрелять первый начал...

– Это два месяца назад? – уточнил Бобриков. – Тот придурок у железки? Помню... А тот, за которым ты три дня назад ушел в горы?

– Обычный контрабандист. Тащил в Лорею батарейки. Ушел, у него портал быстрый и большой... он им прикрылся от выстрелов и...

Бобриков кивнул. И уставился на Романа. Тот крутил в руках бокал.

– Ромочка, мальчик мой... – сладким голосом сказала Барина. – Ты не шалил последнее время?

Парнишка вскинул голову, испуганно посмотрел на нее.

– Ну, колись! – велела Барина. – Мы же видим, у тебя совесть нечиста.

– Я... – Роман опустил голову. – Ну... это случайно вышло...

– Рома, рассказывай, – сочувственно сказал Ашот. – Мы все молодыми были, понимаем, порой глупишь в эти годы...

Роман сглотнул.

– Я... на рынке неделю назад...

– Ну? – чуть повысила голос Барина.

– Спер у одного лоха десять золотых талеров.

Ну... он сам виноват... кошелек из кармана торчал, а там толчея была...

Парень замолчал. Все мы прекрасно помнили, что в свое время, ребенком попав в Клондал, он там неплохо обжился и стал искусным карманником.

– Деньги были в бумажнике? – спросила Барина. – Или в кошельке?

– А какая разница? – спросил Рома, не поднимая головы.

– Принципиальная! В бумажнике еще бывают бумаги.

– Нет... кошелек такой... парчовый, пижонский... только монеты. Я десятку вынул, а кошелек ему обратно в карман сунул, – Роман поднял голову и с внезапной отчаянной гордостью сказал: – Да дядька богатый, из купцов, которые зерном торгуют... ему эта десятка – раз плюнуть, а мне надо было...

– Что надо? – возмутился Бобриков. – Ты был голоден? Бос и гол?

– Мне подарок надо было девочке! – отчаянно сказал Роман. – А там колечко продавалась шикарное, с переливчатым жемчугом, на Земле такого нет! Всего за десять золотых, а ему цена пятнадцать! Я даже из кошелька не все взял, он полный был, я только десять монет... этот мужик, может быть, даже не заметил!

Бобриков откашлялся. Потом сказал:

– Ну, Рома... ты, конечно, дундук. Нужны были деньги на подарок девочке – это святое. Сказал бы, мы бы тебе выдали финансы.

– Кольцо бы ушло, – хмуро сказал Роман. – Переливчатый жемчуг – он и в Центруме редкий...

– За кражу десятки его могла бы искать полиция Клондала, – сказала Барина. – Но уж никак не Пограничный корпус. Рома, ты меня ужасно расстроил, но вряд ли дело в тебе... Так что у нас выходит? Никто ничего ужасного не совершал? Не выдавал тайных планов пограничников, не работал на контрабандистов? Ну?

Все молчали.

– Тогда я ничего не понимаю, – резюмировала Барина. – Чушь какая-то. Привязались к бедным скромным пограничникам. Ни за что ни про что.

Бобриков вздохнул и снова налил всем коньяка.

Роману хмуро сказал:

– Загляни в холодильник, там еще лимонад есть.

Парень шмыгнул носом. Встал и двинулся на кухню, в дверях остановился и спросил:

– Вы меня не прогоните?

– Я тебя выпорю, – пообещал Бобриков. – Лично. Мозолистой пролетарской рукой. Если еще раз случится что-то подобное. Все, проехали, закрыли тему... Купца того потом найдешь и отдашь десятку. Не знаю, как. Хоть в карман подбросишь, раз такой ловкий... Ну, что делать будем, коллеги?

– А у нас выбор небольшой, – сказала Барина. – Не ходить в Центр мы не можем. Это наша жизнь. Прятаться – глупо и бесполезно. Так что надо ехать в штаб, добровольно, и выяснять, в чем наша вина. Ну и оправдываться, когда выясним.

– Это если есть вина, – мудро заметил Ашот. – А если нет? Знаешь, так бывает...

– Так не бывает, – твердо сказала Барина. – Всегда и за всеми есть какая-то вина. Ты уж мне поверь, я жизнь знаю хорошо и с разных сторон. Что-то где-то когда-то мы сделали неправильно. И, похоже, все мы – иначе с чего всю заставу потребовали для допроса? Надо поехать. Самим, добровольно. Раз у нас есть неделя, спасибо господину советнику, мы как раз успеем добраться до штаба. Явимся сами, сразу к нам будет другое отношение. Выясним, что и как. Еще и извинятся.

Ашот заерзал на стуле. Ему явно не нравилось предложение.

– А может, там у кого-то крыша поехала? – спросил он. – Завелся в штабе параноик вроде Сталина, начал зачищать всех налево и направо...

– Сталина не трогай, – холодно сказала Барина. – Это только в бреднях наших журналистов он без причины народ расстреливал.

– У меня прадедушка в лагере сидел! – возмутился Ашот.

– Значит, виноват был, – спокойно сказала Барина. – Дашнакам сочувствовал.

– Он директор швейной фабрики был! – возмутился Ашот.

– Значит, воровал, – пожал плечами Барина.

Ашот вскочил и что-то темпераментно произнес... наверное, по-армянски.

Барина надменно посмотрела на него и сказала что-то на незнакомом мне языке.

Ашот побагровел.

Я глянул на Гаю – та отвернулась и явно старалась не вслушиваться. Воздух перед ней начал мутнеть, будто откуда-то подтекали струйки дыма...

– А ну молчать! – рявкнул Бобриков. – С ума посходили! Сталин, дедушка, армянские басмачи... Вы в каком веке живете?

Наступила неловкая тишина.

– Ты извини, Скрипач... – Барина вздохнула. – Ну ведьма я по натуре, куда деться. Извини.

– Ты тоже извини, – пробормотал Ашот. – Да, прадедушка вагон ситца украл, мне бабушка рассказывала, но зачем же сразу сажать... Ай, ну их всех!

Из кухни осторожно появился Роман с бутылкой лимонада в руках. Спросил:

– Кончили ругаться?

– Да, – сказала Барина. – Извини, я виновата.

Рома молча кивнул и уселся на свое место.

– Ну так что? – спросил Бобриков. – Отправляемся в Центр? Все свободны, все могут? Я – могу.

– Я всегда могу, – усмехнулся Роман.

– Только позвоню сейчас сестре, – сказала Барина. – И готова.

Она достала мобильник и вышла в коридор.

Ашот вздохнул, почесал затылок:

– Вечером, ладно? Дела!

– Я готова, – сообщила Галя.

Хмель поднял руку и покачал головой. Потом показал на часы – и растопырил пять пальцев.

– Хорошо, тебя ждем вечером, – кивнул Бобриков. – Встречаемся на заставе.

Я подумал секунду. Надо бы заплатить за квартиру, подсыпать рыбкам корма, позвонить родителям...

– Тоже вечером приду, – решил я.

– Тянуть не будем, – решил Бобриков. – Кто откроет портал на троих? Мне тяжело.

– Я открою, – сказала Галя. Потерла щеки ладонями, нахмурилась. – Ашот... давай ты!

– Чего давай? – спросил Ашот. – Дура малолетняя, стерва бешеная. Давать – твоя обязанность, поняла, давалка?

С легким хлопком перед Галей возникло окошко портала. Он у нее не очень большой, зато стабильный – легко держится полминуты.

– Спасибо, Ашот, – сказала Галя. – У тебя талант. Ты, кажется, еще ни разу не повторился.

Первым в портал юркнул Роман, за ним шагнул Бобриков – на секунду обернувшись ко мне и попросивший:

– Ударник, свет выключи, плиту проверь, дверь захлопни. Хорошо?

– И коньяк допей, – фыркнула вернувшаяся Барина, перед тем как пригнувшись пройти в портал.

– Пока, мальчики, – сказала Галя и шагнула следом.

Портал, как и полагается, исчез после прохода проводника.

Хмель церемонно кивнул головой, потом пожал нам с Ашотом руки и направился в прихожую. Хлопнула дверь.

Мы остались в квартире нашего командира вдвоем.

– Какая девушка, – сказал Ашот печально. – Ах, какая девушка... почему я ей не нравлюсь?

– Ей никто не нравится, – ответил я. – К сожалению.

Ашот молча налил нам коньяка, вздохнул:

– Я к ней и так, и эдак... А все что слышу – «ругаешься хорошо». Да разве это хитрое дело – выругаться? Ну скажи, Ударник?

– У меня не всегда получается, Скрипач, – признался я.

Мы выпили. Ашот поставил бокал и шепотом произнес:

– А коньяк... так себе. Не очень настоящий. Я вообще больше тутовую водку люблю, знаешь, какую у нас в Армении делают? Замечательная водка! Как лекарство!

Я встал и сгреб бокалы.

– Давай приберемся, Скрипач. Надо дела сделать и к нашим отправляться.

Глава 5

– Может, ты душ в руке держал? – спросил Старик.

– Нет, у меня кабинка, там сверху льется, – уныло ответил я.

Старик вздохнул.

– Давай еще попробуем.

Я покорно встал к стене. Старик, стоя на табуретке, начал поливать меня из садовой лейки. Что поделаться, нормального душа на заставе не было.

– Не холодно? – спросил он.

– Нет, я такой водой и моюсь, люблю холодную... – ответил я, ежась. – Но спасибо за беспокойство.

– Это не беспокойство, Ударник! Это попытка повторить условия, при которых ты открыл проход!

Старик был в одних сагиновых семейных трусах.

Я – вообще голый. Голый, мокрый и замерзший.

– Потом я вышел, – сказал я, делая шаг. – Взял полотенце, вытерся... вот так...

Старик смотрел на меня сверху вниз.

– Не получается, – признал я, опуская полотенце.

– А полотенце правильное? Не слишком шершавое?

– Нет, само то...

– У тебя сплошные «нет», – буркнул Старик. – А нам нужно «да». Ну что-то же еще было? Может, ты... хм... возбудился в душе? Или задницу почесал? Тут же очень тонкая комбинация факторов должна совпасть...

– Я на шампунь не возбуждаюсь, – огрызнулся я. – И не чешусь как бабуин.

– Но что-то ведь еще было, – задумчиво сказал Старик и аккуратно слез с табуретки. Поставил лейку на пол, почесал кончик носа. – Думай, вспоминай. Иначе не судьба тебе гулять между мирами.

– Ну... – начал я. И замолчал.

– Вспомнил что-то? – оживился Старик.

– Да, пожалуй, – осторожно сказал я. – Да. Ты хотел услышать «да»? Вот, целых три.

– Показывай! – взмахнул рукой Старик.

Я покачал головой.

– Нет. Не хоч. Ты говорил, что у меня несколько дней после перехода будет ускоренная обучаемость?

Старик кивнул.

– Тогда отведи меня в город, – попросил я. – И пристрой на эти дни к какому-нибудь учителю клондальского языка. Зачем терять время?

Старик просиял.

– А ты молодец, Ударник. Так и надо. Я бы тебе сам предложил зря не тратить время... но ты молодец!

В это мгновение дверь бани скрипнула. Я повернул голову, ожидая увидеть Ведьму или Деда – честно говоря, ни вредная старуха, ни мелкий пацан меня бы не смутили.

Но в баню заглянула симпатичная светловолосая девушка в пятнистом, песочного цвета комбинезоне. Достаточно взрослая, чтобы на нее можно было заглядываться, но еще слишком юная, чтобы от взглядов переходить к чему-то серьезному.

Я мгновенно осознал, что я голый и мокрый. Впрочем, прикрываться в такой ситуации было бы еще глупее – поэтому я просто стоял.

– Новичок? – спросила девушка. Беззастенчиво меня осмотрела. – Какой-то хилый нынче новичок пошел. Интеллигент, поди? В армии не служил, спортом не занимается...

– Домой спешишь, Калька? – посмеиваясь, спросил Старик.

– Спешу, – кивнула девушка. И презрительно поморщилась, глядя на меня. – Господи, хоть бы одного нормального мужика к нам занесло, а то все какая-то бледная немочь...

– Девочка, ты хамка или просто дура? – не выдержал я. – И выйди отсюда, нечего пилиться, за мужской стриптиз положено деньги платить!

– Можно подумать, на тебя часто смотрят женщины, – фыркнула Калька.

– Зато на тебя мужики должны заглядываться, многим нравятся молоденькие дуры! – я завелся и начал хамить.

С легким хлопком между мной и Калькой возникло окошко портала.

– Спасибо, друг! – весело сказала девушка и шагнула в портал. – Извини, спешу...

Портал исчез.

Старик тихонько засмеялся.

– Не обижайся на нее, Ударник. Калька открывает портал только после того, как ей нагрубят. Вот такая у нее особенность... психологи, наверное, многое бы об этом сказали.

– Всегда готов оказать ей эту услугу, – пробормотал я, вытираясь досуха и натягивая белье. – Попросить, что ли, не могла?

– Могла, наверное, – кивнул Старик. – Но она такая. Любит мужикам нахамить. Ты на нее не сердись. Как я понимаю, у нее было трудное детство. Не хочу в ее дела лезть, но... В общем, не обижайся.

– И впрямь богадельня какая-то... – сказал я. – Ладно, не буду обижаться. У тебя, надеюсь, нет тяжелых психологических комплексов?

– Никаких, – покачал головой Старик. – Абсолютно.

Ехидная девушка со странным прозвищем Калька, как выяснилось, вернулась с патрулирования. Ведьме она доложила, что ни контрабандистов, ни случайных нарушителей, вроде меня, не встретила, после чего и отправилась домой – используя меня в качестве условного раздражителя. Пока мы экспериментировали в бане, исчез и Дед – видимо, для него открытие портала проблем не составляло.

Мы еще раз перекусили – время близилось к обеду, а до города было не близко, после чего тронулись в путь. К моему удивлению – в противоположную Антарии сторону. Небо затянули легкие облачка, смягчив солнечный свет, и идти было легко.

– По железке быстрее, – пояснил Старик. – А движение там бойкое. Даже если придется подождать, то проголосуем, сядем...

– Проголосуем? – не понял я.

– Машин тут нет, – пожал плечами Старик. – Практически нет. Газогенераторные двигатели существуют, но это скорее экзотика, чем обычная практика. Так что на большие расстояния – поезда, на маленькие – телеги, кареты, верховые лошади. Они тут вполне обычные.

– А есть необычные животные? – заинтересовался я.

– Да, – коротко ответил Старик. – Немного.

– И местные поезда останавливаются по взмаху руки?

Старик хитро посмотрел на меня.

– Не всякой руки, Ударник. Не всякой. Но пограничников железнодорожники уважают. Мы с ними... ну, как государства в государстве. И поэтому друг другу помогаем.

Мы вышли к железке вовремя, ждать не пришлось: на горизонте появился дымок. Старик приложил ко лбу ладонь, долго всматривался. Потом достал маленький потертый бинокль, что явно оказалось эффективнее. Бинокль выглядел старомодно – из желтого сплава, вроде латуни, с белыми костяными верньерами, но, похоже, был наш, земной.

– Ага, товарняк, маленький, – удовлетворенно сказал Старик. – Подберут. Бронепоезд мог бы и не остановиться, такую махину стараются по пустякам не тормозить...

Мы стояли в паре метров от невысокой железнодорожной насыпи, Старик держал поднятой правую руку, попутно поясняя мне:

– Если крутить рукой по кругу – поезд точно остановится. Это сигнал экстренной остановки, если пути повреждены или засада впереди... Но за ложную тревогу не похвалят. Можно двигать рукой вверх-вниз – это просьба сбавить ход. Ну а просто поднятая рука – просьба остановиться и подогнать.

Поезд и впрямь был маленький. Паровоз, толкающий перед собой платформу, закрытую с боков и спереди стальными щитами, сквозь амбразуры в которых торчали толстые пулеметные стволы, подозрительно напоминающие древний максим. За поездом – пяток таких же платформ, только не с оружием, а груженых лесом. Обычный товарняк, везущий лес, во мне вызывает печаль – грубо сложенные, топорщащиеся сорванной корой и грубо спиленными ветвями стволы деревьев похожи на мертвые тела. Не то чтобы я безумный эколог или активист «Гринпис», но есть в той небрежности, с которой человек сводит с лица Земли лес, что-то постыдное и тревожное.

Здесь все было иначе. Каждый ствол на платформе был аккуратно закреплен, тщательно отчищен от веток, все деревья были как на подбор – большие, ровные. Слово «пиломатериалы» к ним не годилось, скорее уж «строевой лес» или даже «корабельный».

– Плохо в Центруме с деревом? – спросил я.

– Плоховато, – признал Старик. – Экология у них поплыла после распада, где больше, где меньше...

Поезд начал тормозить. Несколько раз прогудел паровоз, выпуская облака пара. Заскрипели тормозные колодки. То ли нам просто повезло, то ли машинист был настоящим профи – но поезд остановился, не доехав до нас метра два-три. Мы стояли чуть в стороне от насыпи и ждали.

Один из пулеметных стволов зашевелился и медленно повернулся в нашу сторону. Это и впрямь было что-то вроде максима с водяным охлаждением – толстый ребристый кожух, из которого торчало дуло.

Я покосился на Старика – тот вроде как оставался спокойным.

– Привьет, граница!

Над броневым щитом показалась симпатичная, хоть и короткостриженная женская головка. На макушке у девицы был залихватски сдвинутый набок клетчатый берет.

– Привет, Эйжел! – радостно закричал Старик. – Какая встреча!

Похоже, он действительно был рад. Впрочем, не только рад, но и немного смущен. Не будь разница в их возрасте так велика, я бы предположил, что когда-то у него с Эйжел был роман.

Девушка с интересом осмотрела меня и что-то спросила. Именно «что-то» – звучало это немного похоже на французский или итальянский (по мелодичности), но слова как-то иначе, очень четко делились между собой... и были при этом совершенно непонятны.

– Если можно, то говори по-русски, – попросил Старик. – Новенький он, совсем языков не знает.

– Сюдовольствием! – похоже, Эйжел даже обрадовалась. – Я люблю новеньких!

Паровоз коротко, но явно недовольно гуднул.

Эйжел махнула рукой и что-то приказала кому-то, мне невидимому.

Бронированный лист со скрипом сдвинулся вбок, открывая проход на платформу. Эйжел пинком откинула вниз железную лесенку, к которой Старик подтолкнул меня, а потом уже забрался следом сам. Поезд рывком тронулся.

Эйжел протянула мне руку, помогая подняться на платформу, потом мягко, но убедительно оттолкнула в сторону и принялась помогать Старикю. Паровоз загудел еще раз, продолжая набирать ход.

Я взялся за толстую рукоять, приваренную изнутри к бронешиту, и огляделся.

Это и впрямь была обычная железнодорожная платформа с невысокими, в полметра, бортами. Изнутри на ней стояли двухметровой высоты стальные щиты, выкрашенные облупившейся от времени серой краской и закрепленные в каких-то специальных пазах и с упорами изнутри платформы. Упоры заканчивались роликами, так что щиты достаточно легко сдвигались друг относительно друга. Получалось мобильное и в то же время довольно надежное ограждение. Часть щитов была глухая, в большинстве имелись амбразуры, закрытые изнутри вращающимися на петле пластинами. В некоторые амбразуры были вставлены пулеметы – действительно напоминающие максим, только без привычных по старым фильмам колесных тележек. Но в большинстве, к моему удивлению, торчали какие-то заглушки – снаружи заканчивающиеся дулом, но оружием никак не являющиеся.

– Бьютофория! – радостно объяснила Эйжел, поймав мой взгляд. И, повернувшись к Старикю, сообщила: – Он хорьёшенький!

– Но-но, не приставай к парню, – погрозил ей пальцем Старик. – А ты поосторожнее, Ударник, Эйжел – известная нимфоманка, у нее хобби – коллекционировать любовников из иных миров.

Эйжел весело засмеялась, ничуть не шокированная такой характеристикой.

– Только по общему интересу, Старик!

И игриво ткнула его рукой в грудь. Все интереснее и интереснее...

Из охранников, сидевших и стоящих на платформе, Эйжел была единственной женщиной. Всего их было человек десять, все молодые, не старше меня, – причем трое мужиков носили юбки до колен, вроде шотландских килтов, только рисунок был не клетчатый, а из разноцветных полос, идущих сверху вниз. Остальные, включая и Эйжел, были в просторных штанах, но тоже с затейливыми полосами, почти у всех повторялся один узор – серая полоса, черная и красная. На поясах у всех были полуоткрытые кобуры, из которых торчали рукояти каких-то очень серьезных пистолетов, здоровенных, будто старинный маузер, причем рукояти тоже покрывал полосатый рисунок.

– Это какой-то клановый узор? – спросил я Старика.

– О, да! – оживилась Эйжел. – Ты умный! Нашь клань – Тай-Клёус. Мы работаем... – она пощелкала пальцами, подбирая слово. – Работаем найёмниками. Это отхожий промысел!

– Отхожий промысел, – повторил Старик. – Горные кланы. Местность у них суровая, молодежи часто нечем заняться. Наниматься на постоянную работу им не велят обычаи, они предпочитают работать наемной охраной – у железнодорожников, в городах, даже на отдаленных фермах и рудниках.

– На мьесте сидеть скучно, – поморщилась Эйжел. – У жье... жьёздо... дорожников... – она торжествующе улыбнулась, справившись с трудным словом, – вьесело!

Все остальные наемники на нас внимания не обращали. То ли этого требовали их суровые горские обычаи, то ли место было не таким уж и спокойным – но они бдительно следили за окрестностями. Паровоз за нами пыхтел, набирая ход. Мы делали уже километров пятьдесят в час.

– Ты сьовсем первый раз в Центруме? – спросила Эйжел. И, не дожидаясь ответа, со вздохом добавила: – Сьчастливьчик...

– Да, очень... необычно, – сказал я. – Иной мир...

Эйжел пренебрежительно махнула рукой.

– Миры... Это не так интьересно... Интьересно многое знать. Ты прошьол врата – и стал умный. Ненадьолго! – она погрозила мне пальцем. – Не просьри!

– Чего? – растерялся я.
– Не просьри! – повторила Эйжел. – Или, как еще говьорят... только это грибо... Не про...

– Я понял, – быстро сказал я.

Эйжел усмехнулась. Сказала:

– Учи язык. Учи стрелять. Учи все. Пока мозги кипят – учи, учи, учи!

– Научи, – сорвалось у меня с языка.

– Чьему? – Эйжел просьбе не удивилась. – Языку?

– Нам же недолго ехать? – спросил я, девушка кивнула в ответ. – Тогда вряд ли успеем.

Поучи меня стрелять.

– Стрелять? – удивилась она. – Это просто...

Я поучью тьбя другому. Я поучью тьбя биться.

Она взяла меня за руку и мягко потащила в центр платформы. Поезд шел уже ровно, но все равно на рельсах потряхивало. Я вопросительно посмотрел на Старика.

Тот махнул рукой. И попросил Эйжел:

– Только не сломай ему ничего, ладно? Кости после портала быстрее не срстаются.

– Я бьеду очень осторожна! – радостно сказала Эйжел.

И, с полуразворота, ударила меня кулаком в живот.

Выпрямившись – на это ушло несколько секунд, но удивительно, что я вообще удержался на ногах, – я прохрипел:

– Ты что! Мы же еще не начали!

– Кто тьбе сказал, что враг будьет ждть начала? – удивилась Эйжел.

На этот раз я успел уклониться от удара, рука Эйжел лишь скользнула мне по уху. Было больно, но уже не так обидно.

– Мольодец! – ободрила меня Эйжел и ринулась в атаку.

Кому как – а мне нравится собираться в дорогу. Особенно если дорога дальняя, но быстрая, а пункт конечного пребывания тебе приятен и дорог.

Одежда, в которой я был в Центруме, уже постиралась, но, естественно, до конца не высохла. Поэтому я достал запасной комплект – не военную или «а-ля военную» форму, которую любила молодежь, не доигравшая в детстве в «войнушку», а нормальный комплект туристической одежды от хорошей, хотя и очень дорогой английской фирмы. Главное ее достоинство (увы, оно же стало причиной высокой цены) состояло в том, что одежда была сшита без всякой синтетики – даже нитки нормальные, хлопковые. Кроссовки я тоже сменил (кстати, а вы знаете, сколько стоят «экологически чистые кроссовки», сшитые без синтетики и на подошве из натурального каучука? Лучше даже и не знать, спать будете спокойнее). Открыв стоящий в прихожей гардероб, вытащил самый обычный с виду ящик, затем засунул руку вглубь и надавил на неприметный рычажок. Задняя стенка гардероба раскрылась, открывая оружейный шкаф.

Ну да, смешно. И напоминает всякие шпионские фильмы, где в квартире скромного клерка прячется целый арсенал.

А что делать?

Оружие оставлять в Центруме я не мог, неизвестно, где в следующий раз откроется проход. Обходиться охотничьим оружием, на которое у меня было разрешение, «Сайгой» и «Тигром», не хотел. Не то чтобы мне приходилось всерьез воевать... но, видимо, тяга к оружию в мужчинах неистребима.

Так что у меня был совершенно киношный тайник, где я гордо хранил АК-47, пистолет и патроны. «Тигр», который у меня все-таки был и который я почти никогда не брал в Центрум, хранился в обычном сейфе на видном месте, и как положено, раз в год, его приходил проверить участковый – вполне симпатичный дядька, который мгновенно понял, что охотник я еще тот.

Видимо, он считал меня одним из тех чудиков, что ждут мировой катастрофы и готовятся с оружием в руках сражаться за банку консервов на руинах цивилизации.

Я еще раз проверил квартиру – все ли выключено, засыпан ли корм для рыбок в кормушку. Потом поставил посреди комнаты здоровый рюкзак с припасами, рядом – большой пластиковый пакет с одеждой и обувью.

Первые разы я ходил в Центр из душа, моясь долго и тщательно, как в первый раз. Потом понял, что это не обязательно. Так что я просто вслушался в свой организм, решил, что вполне готов к открытию портала. Пошел в душ, постоял несколько секунд под теплой водичкой. Вышел, повесил на шею автомат (я давно уже убедился, что это не мешает). Постоял секунду, настраиваясь. Быстро обтерся полотенцем и сделал все остальное, что требовалось.

Портал открывается почти беззвучно, но я даже не стал вслушиваться – знал, что он возник. Подхватил рюкзак, пакет и шагнул спиной назад.

Шаг.

Второй.

Мягкий толчок в плечо – я задел край портала.

Уж не знаю, из чего состоит эта дырка в пространстве, но тактильно – как холодная резина...

Еще шаг – и портал растаял перед моими глазами. Сам миг перехода я, как обычно, не почувствовал.

Зато ощутил колючую траву под ногами, десятки запахов – хотя воздух был чистым и свежим, – дуновение ветерка. Солнце садилось за горизонт, вдали плыл сквозь степной океан паровоз с десятком вагонов.

Место я опознал сразу – на наших картах оно было отмечено как четырнадцатая вероятностная точка выхода в нашей зоне ответственности. Не самое частое место, куда открывался портал, но и не двадцать седьмая, куда лишь однажды вынесло Старика, и не теоретически известная двадцать восьмая, где то ли вышел, то ли нет в первый раз Скрипач – увы, он растерялся, долго бродил в поисках людей и потерял ориентировку.

В общем, ничего необычного.

А вот то, что через мгновение у меня на глазах открылся еще один портал, причем всего метрах в двадцати, – это была неслыханная редкость!

Но тот, кто выходил из портала, меня потряс еще больше. Человек был одет в похожий на мой походный костюм, за спиной у него был рюкзак, а на груди болталась на ремне хорошая бельгийская штурмовая винтовка «FN FAL» со складным прикладом. И был этот человек нашим Иваном Иванычем, политкорректно не получившим прозвища «Немой», а теперь, вероятно, обреченным откликаться на звучную фамилию Хмель.

Дело было, конечно, не в том, что я увидел выходящего соратника.

Редко, но бывает.

И не в том, что он вооружился до зубов, – он и раньше порой таскал «Фал» в Центр, вызывая иронию Старика и жгучую зависть Деда.

С чем только пограничники ни ходят.

Дело было в том, что Хмель пел!

Громко и вполне мелодично!

Рельсы упрямо
Режут тайгу,
Дерзко и прямо,
В зной и пургу! —

горланил Хмель, совершенно увлеченный переходом в Центр.

Я сам онемел от удивления.

Веселей, ребята!
Выпало нам
Строить путь железный,
А короче – БАМ!
Скалы и чащи —
Все он пройдет,
Наш работающий,
Смелый народ!

Уж не знаю, собирался ли Хмель спеть всю песню до конца, хотя свою функцию она уже явно выполнила. Но тут он что-то почувствовал, повернул голову налево, увидел меня – и замолчал.

– Иван Иваныч! – укоризненно сказал я.

Хмель с открытым ртом смотрел на меня. Потом захлопнул челюсть.

– Я все слышал! – подтвердил я. – Ты поешь!

Хмель развел руками – и побрел ко мне. Я достал из пакета белье, торопливо натянул трусы, потом влез в брюки, затянул ремень. Хмель подошел и встал передо мной, смущенный и растерянный.

– Хмель, зачем? – спросил я. – Ну зачем, скажи, ради Бога! К чему были все эти при-творства? Зачем ты ходил с блокнотом и карандашом, зачем учил нас понимать жесты?

Лицо Хмеля мучительно исказилось. Он открыл рот – и заговорил:

– Я... з...з...за... заик... ик...

Он замолчал и развел руками.

– Но ты же пел! – сказал я обличающе.

Хмель кивнул. И неожиданно пропел, очень чисто и мелодично:

Нам песня строить и жить помогает,
Она как друг и зовет, и ведет!
И тот, кто с песней по жизни шагает —
Тот никогда и нигде не пропадет!

– Понятно, – сказал я. – Когда говоришь – заикаешься. Когда поешь – все нормально.

Хмель горестно кивнул.

– А не пробовал петь слова? – поинтересовался я, застегивая рубашку. – Просто обычные слова в разговоре...

Хмель улыбнулся.

– Ну да, – согласился я. – Нелепо как-то будет выглядеть... Широка страна, но неродная, мало в ней лесов, полей и рек... Ну-ка стой, товарищ нарушитель, и не смей замысливать побег!

Хмель захохотал в голос.

– Поешь ты здорово, – признал я. – Шикарный голос. У нас, в группе «Угол падения», солист хуже пел.

А он был еще из лучших...

У меня есть сердце,
А у сердца – песня,
А у песни – тайна,
Хочешь – отгадай, —

негромко пропел Хмель.

– Понял, – кивнул я. Сел на землю, отряхнул пыль с ног, натянул носки и принялся зашнуровывать кроссовки. – Никому не расскажу. А ты только старые песни поешь? Не современные?

Хмель сморщился. И неожиданно совершенно чисто, видимо на эмоциях, сказал:

– Дерьмо.

– Совершенно согласен, – кивнул я. – Ну ладно. Если захочешь как-нибудь попеть – я не буду против. Потопали на заставу?

Хмель энергично кивнул.

Глава 6

Нельзя сказать, что, когда поезд прибыл в Центр, я уже не стоял на ногах. Нет, стоял, и вполне так бойко отбивался от Эйжел. И даже несколько раз хорошенько ее зацепил – вся воспитанная в детстве убежденность, что девочек бить нельзя, к тому времени полностью испарилась. Но я прекрасно понимал, что, дерись мы с Эйжел всерьез, – она бы меня просто убила.

А так – обошлось парой синяков и одной ссадиной.

Бой она прекратила сама, после чего улыбнулась и внезапно обняла меня с такой энергией, будто намеревалась после рукопашной устроить урок вольной борьбы.

– Молодец... Умница...

От нее очень хорошо пахло – и разгоряченным женским телом, и какими-то незнакомыми жаркими благовониями (слово «духи» все-таки не подходило к одной мощной ноте – не то сандала, не то еще чего-то восточного). Тело, только что бывшее твердым и напряженным, стало мягким и нежным. Это было безумно сексуально – и совершенно не вовремя.

Как это обычно и бывает, к сожалению.

– Эйжел, не приставай к юноше! – сказал Старик.

И опять в его голосе было что-то... личное.

Эйжел рассмеялась, отступая от меня. Взгляд ее был игрив и обещал многое.

– Я подучусь, и мы продолжим, ладно? – сказал я. – В иное время, в ином месте.

– И иные схватки? – уточнила Эйжел, засмеявшись. – Хорьёшо! Замьётано!

– Ты лучше по сторонам-то смотри, – мрачно посоветовал мне Старик. – Как-никак уже по Антарии едем. Крупнейший город этого мира!

Антария впечатляла.

Мне посчастливилось бывать в Париже, даже дважды, пускай и в детстве, с родителями. Был я и в Риме, и в Берлине. Из крупных европейских городов не видел разве что Лондон – но, с другой стороны, он так часто мелькает в фильмах и новостях, что его архитектуру я тоже неплохо представлял.

Так вот, Антария странным образом ухитрялась походить на все эти великие столицы – и быть на них непохожей. Общий стиль домов ожидаемо напоминал что-то из девятнадцатого века – встречалась и неоготика, со шпилями и прочими излишествами, и более простые здания – красный кирпич, широкие окна, из всех украшательств – разве что крыльцо с парой колонн у подъезда. Преобладали здания высотой в пять-шесть этажей, кое-где стояли более высокие, со своими десятью-двенадцатью этажами смотревшиеся как небоскребы. Странность была одна – здания не примыкали друг к другу, как это заведено в европейских городах. Они могли стоять почти соприкасаясь стенами, но в любом случае между ними оставался проход, в который мог бы протиснуться человек. Ну, не слишком полный человек, способный задержать дыхание... От железной дороги здания отделяла от силы пара метров, некоторые окна были открыты, несмотря на валивший от паровоза черный дым, и люди преспокойно поглядывали на наш поезд. На нескольких подоконниках стояли женщины, терпеливо оттирая тряпками сажу, и я обратил внимание, что большинство стекол в домах вдоль железки чистые. Это как же часто надо мыть окна – каждый день? Или хотя бы раз в неделю? Что-то в этом было... ну, почти религиозное – будто вся эта копоть и сажа жителей не раздражали, а были неизменным и привычным спутником нормальной жизни.

Впрочем, если весь этот немаленький город полностью зависит от снабжения по железной дороге – то так оно и есть. Жители наших мегаполисов тоже не реагируют на нескончаемый шум автомобилей и привкус хлора в водопроводной воде.

К путям, по которым двигался поезд, тем временем добавилось еще несколько веток, дома отдалились, поезд приближался к вокзалу – не такому уж огромному, но по местным

меркам впечатляющему. Тот же красный кирпич, статуи на балюстрадах, пристанционная площадь... Людей там, впрочем, было не так уж и много – здешняя железная дорога служила больше для перевозки грузов, чем пассажиров. Но все-таки народ толкался на перронах и посмотреть было на что. Мужчины – либо в костюмах, как правило универсального делового покроя, что не меняется никогда, либо в простецкой рабочей одежде, которая тоже почти одинакова во всем мире уже лет сто как. Вот женщины – да, одеты куда более разнообразно. В основном в дамском гардеробе преобладали платья и юбки с блузками, с некоторым намеком на строгость фасона, в ходу были и шляпки, которые сейчас надевают разве что на великосветские приемы. Но многие, особенно молодые, носили короткие и вполне современные юбки, а самые продвинутые – даже брюки, и это явно никого не шокировало. Я почувствовал легкое огорчение. Ну как же так, иной мир, технологии на уровне девятнадцатого века – а люди самые заурядные. Все вместе они еще производили ощущение легкой необычности, но любого отдельного человека можно было взять, поместить в крупный земной город – и он мало чем выделялся бы из толпы.

– Ожидал увидеть большую экзотику? – спросил Старик, посмеиваясь. Поезд уже еле полз вдоль перрона, охранники откатывали в сторону щиты, закрывающие платформу.

– Ага, – огорченно сказал я.

– Насмотришься еще, не переживай... – Старик вдруг дернулся и схватил меня за руку. – Смотри! Ах ты ж паршивец малолетний! Смотри, что творит!

Я поискал глазами в толпе. Вначале я увидел пожилого сухопарого господина, любезничавшего с двумя девицами. Судя по одежде – длинный двубортный пиджак из тонкой шерсти (в памяти услужливо всплыло старомодное «сюртук»), – тросточке в руке и горделивой осанке, господин был не из простых. Рядом, спиной к нему, стоял тощий мальчишка. Стоял-то он спиной, но вот рука его аккуратно извлекала из кармана сюртука разговорчивого обывателя что-то поблескивающее, не то портсигар, не то крупные карманные часы. Вот еще одно движение, добыча перекочевала пацану в карман – и он неспешно двинулся прочь.

– Это же Дед! – рявкнул Старик.

– Как он мог нас опередить, он на заставе остался? – не понял я.

– Прыгнул на Землю, потом обратно, выскочил прямо в городе... у него просто талант открывать врата в самой Антарии! Да что ж он творит, это ведь чиновник из магистрата... пошли!

Старик бодро рванулся к краю платформы, выждал секунду, выбирая место, и спрыгнул на перрон. Я поневоле рванулся следом. Но теперь уже платформа ползла вдоль ярко одетой толпы хихикающих девиц старшего подросткового возраста, потом – вдоль группы мрачных мужчин в форме, с длинноствольными винтовками за спиной, затем – ну просто как в комедийном фильме – мимо ряда носильщиков, грузящих на телегу корзины с куриными яйцами, а в завершение всего этого абсурда у края перрона, в опасной близости от поезда, выстроился десяток молодых мамаш с младенцами в хлипких на вид колясках. Они что, стоворились?

Спрыгнул я только после того, как поезд последний раз вздрогнул и с шипением вырывающегося пара остановился. Кинулся вдоль ряда перепугавшихся мамаш, едва не врезался в корзину с яйцами, заслужив вслед громкие ругательства на незнакомом мне языке, обогнул по широкой дуге солдат, пронесся вдоль хохочущих девочек...

Ни обворованного господина, ни его собеседниц, ни Деда, ни Старика на платформе уже не было.

Я остался в Антарии один. Без денег, языка и документов – если здесь вообще в ходу документы.

Хмель, пусть даже его странная тайна оказалась раскрыта, был не лучшим собеседником. Уж не знаю, как он заимел такое мощное заикание и почему оно полностью исчезло, стоило

ему запеть, но говорить, даже что-то односложное, вроде «да» и «нет», ему было очень трудно. А пением можно общаться разве что в опере или мюзикле. Так что вскоре мы вернулись к прежнему стилю общения – я говорил, Хмель жестами показывал свое отношение к сказанному или, быстрой и понятной пантомимой, доносил до меня свои мысли.

Идти, впрочем, было недалеко. Часа через три, сделав один короткий привал у железки, мы вышли к холму, на вершине которого стояла застава. Я остановился, поудобнее устраивая на плечах рюкзак перед последним броском. И вдруг Хмель тронул меня за локоть.

– Чего? – спросил я. Хмель неотрывно смотрел на здание.

Мне потребовалось несколько секунд, чтобы понять, что привлекло его внимание.

– Флаг спущен, – сказал я. – Вижу.

Насколько я знал, белый флаг с черным кругом и крестом внутри вешать над заставой не требовалось. Но почти на всех заставах флаги висели, только там, где преобладали мусульмане, крест иногда заменяли на полумесяц, без лишних затей подражая обществу Красного Креста и Полумесяца.

У нас флаг тоже висел всегда. Старенький, пыльный настолько, что был уже скорее серым, чем белым, но висел.

Мы, не сговариваясь, взяли оружие в руки и двинулись вверх. Обсуждать было нечего. Если наверху засада, то нас спокойно перестреляют из-за ограды, но и уходить, не выяснив, что произошло на заставе, было немислимо.

Но когда готовят ловушку, то флаги не снимают...

Нельзя сказать, что мы бежали вверх. Просто поднялись быстрее, чем обычно. Нас никто не окликал, никто не стрелял, и выглядела застава вполне мирно. За исключением спущенного флага и открытых настежь ворот.

– Плохо, – озвучил я вертевшуюся на языке банальность. Флаг, допустим, Ведьма могла снять «на постирать». Она это делала пару раз в год. Но ворота никто открытыми бы не оставил.

Держа автомат наизготовку и чувствуя себя героем боевика (увы, не главным героем, которому смерть не грозит), я заглянул во двор.

И окончательно убедился, что застава разгромлена. Наполовину высунувшись из собачьей будки, мирно положив голову на лапы, лежал наш приبلудный пограничный пес, которого Старик почему-то звал «Алым», Дед – «Шариком», а Ведьма – «Заразой». Крошечная лужица крови была почти не видна на темной земле, ее выдавали лишь возбужденно жужжащие мухи. Почему-то это меня потрясло. Пес жил на заставе лет пять, громко лаял на любого гостя, но никогда не пытался никого укусить и по бойцовским качествам был не страшнее болонки. Пристрелили его видимо просто так, на всякий случай.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.